ПИОНЕР

П 349

П 29
34

17-18

изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА" 1935 г.

К борьбе за рабочее дело будь готов!

ПИОНЕР

№ 17-18

Орган Центрального комитета ВЛКСМ.
Адрес ред.: Сретенка. 1. Тел. 5-70-38.

Сентябрь 1935

О форме

На одной из фабрик Москвошвея изготовляются опытные образцы формы для школьников. Старый мастер В. Н. Миронов тщательно изучает все виды детской одежды и вместе с группой моделистов подготовляет разнообразные образцы детских пальто, платьев, курток и т. д.

Особая комиссия из всех этих образцов отберет и установит форму одежды для школьников. Эта же комиссия определит порядок ее изготовления, и только после этого приступят к введению новой формы в школах.

НА СНИМКЕ: один из образцов формы школьника.

П 29
34

Гос. Публичная библиотека

Адмирал

Рассказ Б. Житкова и Б. Шатилова

Рисунки Ю. Кискачи

Было тихо, жарко. Над горячим песком и над морем волновалось марево. Купальщики на пляже сняли с себя даже трусики. Щурясь и прикрывая головы кто носовым платком, кто просто рубахой, они смотрели вдаль, в море. В море что-то глухо бухало, а что, не было видно.

Голые купальщики изнывали от зноя, а старик — в черном пальто, в старой адмиральской фуражке большим белым блином с огромным козырьком — как бы вовсе не замечал и не чувствовал июльской духоты и зноя. Он взошел на песчаный пригорок, расставил, словно укрепил, ноги в песке, подперся палкой с резиновым набалдашником, надставил козырек стариковской рукой и маленькими едкими глазками впился в море. Он знал, что это бухает, знал, куда надо смотреть: не даром на голове у него была старая адмиральская фуражка с ремешком на двух золотых пуговках.

На старика в черном пальто было жарко смотреть. Купальщики посмеялись над ним и отвернулись от него. А ему и не надо было никого. Он сам с собой разговаривал сиплым басом. Говорил он вот что:

— Тэк-с, это, конечно, двенадцатидюймовочкой ахнули. Тэк-с... А это разрыв... — сказал он, увидев с пригорка то, что за маревом не видели купальщики. Столб воды далеко у горизонта взлетел вверх, сверкнул на солнце и рухнул. Через минуту долетел грохот разрыва.

— Тьфу ты! Да неужто со второго?

Старик заволновался, захлопал себя по карману пальто, а хлопать-то было нечего: большой медный бинокль лежал на своем месте. Все продал старик в голодные годы, не продал только вот этот бинокль. Этот бинокль подарил ему когда-то отец, когда он окончил морской кадетский корпус, подарил и сказал: «Ну, теперь гляди в оба!».

До адмиральского чина дослужился бинокль вместе с хозяином, и старик тайком называл его «ваше превосходительство».

— А ну-ка, «ваше превосходительство», глянем!

Старик так и впился в море, спокойное, с легкой ласковой зыбью. Он вертел ролик бинокля и с наслаждением пробегал глазами по сверкающей водной равнине.

Вот уже 17 лет, с того самого дня, как сняли его с корабля матросы, он, старый моряк, ни разу не взглянул на море.

На приморской даче, на которой он жил и зимой и летом, окно, выходившее на море, он приказал завесить плотной занавеской еще раньше того, как он в'ехал в эту самую дачу, и строжайше запретил ее трогать. Каждый день, выходя на прогулку, он брал курс из дверей прямо от моря в берег, в сосновый лес, а с прогулки возвращался всегда той дорогой, которую сплошной цепью пересекали дачи и закрывали море.

А сегодня вдруг лопнула старая тесемка, на которой 17 лет болталась зеленая занавеска, занавеска упала, и море — голубое, ясное — приветливо глянуло на старика в окно. Старик было выругался, приладил занавеску, хотел задернуть, но встал у окна, посмотрел на море да так и стоял с полчаса: оцепенело глядел, не отрываясь.

Вдруг повернулся и стал поспешно одеваться, надел все, что висело на вешалке, словно собирался уйти в море и никогда не возвращаться. Он туго набил кисет табаком, сунул в карман щербатую «миледи» и «его превосходительство» и торопливо зашагал к морю.

И вот он стоял и смотрел в бинокль и чувствовал, как море переливает в него всю свою свежесть.

— Так и есть! Со второго прохлопали.

Старик ясно видел пробитый щит — пловучую бре-

— Задним ходом отступаем, лавируем между своими минами и, наконец, ахнули...

зентовую мишень, которую тащил на буксире небольшой катерок.

— Это Васька! Васька Осипов! — забормотал он волнуясь. — Узнаю письмо по почерку. Меня не надуете, дорогие товарищи! Комсомольцы-то у вас вроде для фирмы, а мишени-то старые комендоры дырявят. Думали без нас, стариков, обойдетесь... А вот и не вышло-с. Ххе! Мелко плавали, дорогие товарищи! А ну, «ваше превосходительство», разрешите покурить!

Отставной адмирал бережно положил бинокль в карман, а из другого кармана вынул резиновый кисет и стал заправлять старую, выщербленную трубку. Он купил ее когда-то в Ливерпуле. До адмиральского чина она не дослужилась: годами не вышла, и старик называл этот деревянный огрызок «миледи». Адмирал любил хорошее общество.

Закурил он быстро и сейчас же приставил к глазам «ваше превосходительство». По горизонту маленьким черным прямоугольником плыл второй щит, пока еще целый. Старик впился в него как астроном в звезду, которую он только что открыл.

— Пошел, пошел! — хрипло шептал старик.

— Дедушка, прикурить можно?

Это спрашивал какой-то парень в синих трусиках, разминая пальцами папироску.

— Весь пляж обошел, ни у кого спичек нет. Честное слово!

— Пошел, пошел! — бормотал старик, не отрываясь от черного квадратика в море.

— Да чего же пошел-то? Что вам жалко, что ли?

В это время раздался гул выстрела. Глухим вздохом доплыл он от горизонта к пляжу. Старик подскочил, вытянулся, словно вырос, и в самозабвении шепнул:

— А ну, ввa-ввa-ввa... Тьфу! Чтоб ты пропал! — и старик плюнул в песок.

— Сумасшедший! — вскрикнул парень и невольно отшатнулся от старика.

Старик оглянулся:

— Да, да, сумасшедший! — закричал старик, размахивая биноклем. — С первого, с первого, чорт побери! Сумасшедший выстрел!

Ахнул разрыв. Он громче и ярче прокатился по морю. А старик совал в глаза парню в трусиках свой заветный бинокль.

— Гляньте-ка, гляньте-ка, чорт вас возьми! Там, у горизонта... Ну что? Рамка?.. Рамка!.. Знаю, что рамка! А в рамке-то что?

— Да дыра никак.

— Дыра! Дыра! Так это все Васька Осипов! Он, негодяй! Меня не надуешь, молодой человек. Пусть вам, сосунам, эти комсомольские басни рассказывают. Двенадцатидюймовым калибром, да на такую дистанцию, да с первого удара — это Васька Осипов. Можете мне голову оторвать, если это не он. И это не иначе, как его коньяком обещали накачать наповал. Нет-с, старого ворона не надуешь, не надуешь, молодой человек!

Старик вырвал из рук парня бинокль и так замахал им у него перед носом, что парень в страхе попятился.

— Закурить все же можно? — робко спросил парень. Он с опаской смотрел на старика и, держа в зубах папиросу, издалека, осторожно, словно боясь обжечься, тянулся к адмиральской трубке. Старик порывисто ткнул в воздух коробкой спичек. Парень закурил.

— Да-с, молодой человек, это бьет Васька Осипов, — сказал старик раздумчиво.

— А очень просто, что Васька, — сказал парень между двумя затяжками. — Если это с «Марата» бьют, так это факт — он.

— Ага! А я что говорил? И вам он тоже изве-

стен? — старик зацепил сухим пальцем как железным крюком за резинку трусиков. — Вы, молодой человек, еще вот в коротких штанишках щеголяете и не знаете, что этот Васька Осипов, когда мы с немцами воевали, плавал на минном крейсере «Новик» и ведь что каналья разделывал...

Парень раскрыл рот, хотел что-то сказать, но старик нахмурил брови и закричал:

— Не перебивать, и извольте слушать, когда вам говорят, молодой человек!

— Представьте себе: вечер, немцы напирают. У нас два корабля, а нам надо изобразить, что у нас целая эскадра, и затянуть всех этих Михелей, Бранденбургов да Кювенштюкеров — всех их голубчиков затянуть на минные поля; а сверху мгла, туман как потолок навалился, им аэроплан бы послать поглядеть, да не видать: мы под туманом, что мыши в подполье. Броненосец «Слава» — не знаю, теперь он у вас, может, и «Позором» называется, а тогда «Славой» назывался — и вот «Слава» бьет двенадцатидюймовкой, бьет нарочно так, чтоб у колбасников в ушах трещало, чтоб казалось им, что у нас тут ни весть сколько этих самых пушек. А они по «Славе» долбят, чугуном, что водой, поливают. Ввязались в бой. «Слава» отступает, и ни одной трубы на ней — все сбито, дым валит прямо на палубу. «Слава» сдает, запинается, а надо бой показать, затянуть на минные поля. Слышите, молодой человек? Видели мины — такие железные пузырьки под водой? Килем зацепишь — и... трах... все разворотит, и сразу в подводное плаванье — раков ловить. Так вот-с, «Слава» сдает, запинается, немцы могут расчухать всю ее хитрость и не идти за ней всем табуном. Чего за ней идти, если она уж чуть-чуть ухает: артиллерии недостает. От флагмана приказ «Новику»: выйти вперед на расстоянии выстрела и накачать немцам. «Есть! Пошли!» Осипов у орудия снаряды подает, он тогда еще боцманом был. И вдруг — трах! — убивает комендора при орудии. Осипов на его место. Как начал садить, тут и безрукий руками разведет. Понимаете!..

Старик совсем присунулся к парню и, ударяя его в голую грудь медным биноклем, закричал:

— Понимаете, как пальцем тычет! Ни одного промаха! И это под огнем, заметьте, в спешке!

Старик тряс биноклем над головой парня. Бинокль сверкал на солнце медью и стеклами.

— Задним ходом отступаем, лавируем меж своими минами, и, наконец, ахнуло: сел немец на нашу капусту. Справа опять рявкнуло — другой нарвался! Так, не лазь в чужой огород! А Осипов гвоздит и гвоздит. Из боя мы вышли как ворона с пожара: ни труб, ни мачт. Пришли домой — Осипова к командиру требуют.

«— Никак нет, — говорят, — не может.

— В лазарете?

— Никак нет!

— Контужен?

— Никак нет!

— Да что же с ним, чорт возьми! Конвоем его привести!

— Никак нет, — говорят, — невозможно! Можно только на руках принести: пьян.

— Кто напоил?

— Самочинно, — говорят. — Разбил два шлюпочных компаса и спирт из них выпил. «Только для этого счастья, — говорит, — я и жив остался».

Горьчайший был пьяница! Ну что с ним поделаешь, произвели в комендоры. Этого Осипова все у нас знали, да и немцам он дал себя знать. Вы перед ним мозгляк, молодой человек! Громадина, в плечах полсажени, рыжий как таракан, весь в веснушках, как клопами усажен; веснушки — во! Брови рыжие, и душа-то у него была какая-то рыжая. Но стрелять, действительно, мог из пушки по воробью, да еще и в лёт. Это он, Васька Осипов, садит сейчас по этим мишеням. Он! Узнаю письмо по почерку. Нет, меня не надуешь!

— Да когда же Васька-то был рыжим-то? — сказал парень.

— Всегда, всегда!—нетерпеливо закричал старик.— И, я вижу, не знаете вы этого Осипова. По-наслышке знаете.

Старик презрительно посмотрел на парня и отвернулся от него.

— А вон, никак, со стрельбы идут, — сказал парень.

Прищурясь, он смотрел вдаль: на горизонте показался дым. Он колыхался и волновался в жарком мареве моря.

— Если это «Марат», то факт: это Васька стрелял. Он на корабле по этой части спец, ударник. Дайте-ка глянуть.

Парень взял бинокль.

— «Марат» и есть. Так это Васька прохал. Честное слово, дедушка!

— То-то и есть, что Васька Осипов, — сказал старик, вырвал бинокль у парня и навел его на корабль.— «Дедушка, дедушка», — ворчливо бормотал он. — Все нами, стариками, держится. Нет-с, дорогие товарищи, без нас, стариков, не обойдетесь! Пришлось Ваське Осипову поклониться, и мне еще поклонитесь!

— Да какой же Васька — старик? — сказал парень. — Он старше меня всего на два года.

— Васька? Осипов?

— Осипов.

— Рыжий?

— Да нет, мы оба чернявые.

— Так не видал ты Осипова — и не ври.

— Да как не видал! Чай, он брат мой родной!

— Васька? Осипов Васька?

— Ну да.

— Это он бил по щиту?

— Факт — он.

— Тьфу!

Старик плюнул и с минуту молчал потерявшись.

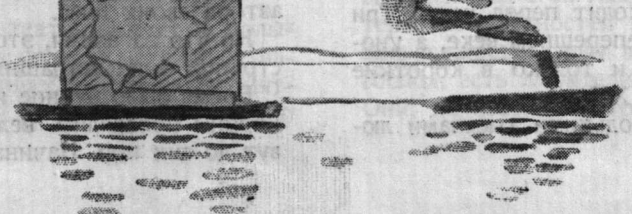
— Пьет? — закричал он вдруг, в упор уставясь на парня.

— Что вы, дедушка! Там у них, на «Марате», все комсомольцы. И Васька — комсомолец.

Старик плюнул в песок, словно камнем бросил.

— Тьфу!

И зашлепал от моря. В расстройстве он забыл спрятать в карман «его превосходительство» и так и размахивал им до самого дома. А дома он швырнул «его превосходительство» на дырявый диван, подошел к окну, смотревшему в море, и рывком наглухо задернул занавеску.



Веселая Англия. Театральные и маскарадные костюмы шекспировского времени: шуты, монах, музыкант, плясуны, всадник на бутафорском коне.

Театр Вильяма Шекспира

Б. Ивантер

Вильям Шекспир

Да неужели же за 300 лет никто не написал более замечательных пьес для театра чем Шекспир? Почему целые поколения актеров наизусть знают роли Гамлета, Отелло, Шейлока?

Шекспир — английский писатель. Ну, и знали бы его в Англии. А то ведь нет такого города в мире, где за последние 100—200 лет не ставили бы его пьес. И на шекспировском спектакле и 100 лет назад и теперь каждый раз в одном и том же месте замирают сердца зрителей. Нет в мире писателя, которого считали бы выше Вильяма Шекспира. Почему?

Это не так легко об'яснить. Нужно самому прочитать или увидеть его драмы на сцене, чтобы понять и почувствовать это. Но если уж браться об'яснять, то можно сказать вот что: ни до Шекспира, ни после него никто еще так ярко не показывал на сцене человеческую жизнь. О чем только ни писал Шекспир?! Есть у него, например, хроники. Это история Англии. За три часа спектакля зритель проходит громадные события: мы видим, как борются за власть, сменяя друг друга, поколения английских королей.

Шекспир развертывает перед нами их чудовищные злодейства. Перед нами живут и действуют живые люди с их страстями, страданиями и радостями. Вся жестокость и грубость времени проходит перед нами. Три часа мы живем не здесь, не в теперешнем веке, а уносимся на 300—400 лет назад и только в короткие антракты возвращаемся в наш, XX век.

Шекспир населил землю несколькими тысячами людей, которые не умирают.

Герои Шекспира живы для всех времен. Ромео и Джульетта любят друг друга, и ты, человек, живущий на 300 лет позже них, сочувствуешь им, любишь вместе с ними и страдаешь за них, когда они идут к своей гибели.

Кто же был этот гениальный человек, который столько лет занимает и волнует умы людей?

Вильям Шекспир родился в небольшом городишке Стратфорде в 1564 году. Отец его выделывал кожи, торговал шерстью, занимал разные должности в городском управлении. Сам Шекспир в юности ушел в Лондон и был там сначала актером, потом стал драматургом и режиссером. Умер он в 1616 году. Это почти все, что известно о его жизни. 300 лет—немаленький срок. И театр, в котором он работал, сгорел тогда же, и дома, где он родился, давно нет. Да и многие пьесы его до нас дошли случайно. Некоторые из них напечатаны при его жизни, но далеко не все. Лет через 20 после смерти Шекспира два его приятеля — актеры — напечатали 20 его пьес. Если бы не эти два актера, мы никогда бы их не увидели. В мире не существует ни одной рукописи, написанной его рукой. Шутка ли — 300 лет!

Некоторые буржуазные ученые вообще усомнились в его существовании. То есть, жить-то жил какой-то Шекспир, актер, родом из Стратфорда, но не может быть, говорили они, чтобы такие умные мысли и такие глубокие знания были у человека такого низкого происхождения. Сын кожевника?! Никогда! Кто же мог быть автором этих пьес? Конечно, знатный человек, который скрывал свое имя под псевдонимом «Шекспир».

С полдюжины графов называли эти люди кандидатами в Шекспиры. Но после тщательной проверки шекспирологи отбросили всех этих лжешекспиров, и теперь нет сомнения, что Шекспиром был Шекспир, а не кто другой, и вся тогдашняя Англия знала его как автора своих пьес.

Но что за время, это шекспировское время, и какой страной была тогдашняя Англия?

Время было буйное и плодотворное. Во всех странах Европы появлялись великие люди, имена которых живут до сих пор. Начиналось так называемое возрожде-

ние наук и искусств, когда науки и искусства, стряхнув многолетнее иго церкви, вступали на службу новому предприимчивому классу буржуазии.

Средневековые люди знали только одну дорогу — в церковь, только одну науку — богословие, только одно развлечение — церковные представления — мистерии. Неограниченными хозяевами всей Европы были церковь и рыцари-феодалы.

Теперь на первое место выходил купец-мореплаватель, и даже сама английская королева снаряжала посольства для торговли с дикой Москвой. А тогдашние англичане были самыми смелыми разведчиками новых морей и земель.

Среди других стран Англия была жадной и загребистой морской разбойницей. Она давно уже целилась на богатства золотых австралийских берегов, на доходы с прибылей от торговли с далекими странами. Но на морях властвовала Испания со своей «Непобедимой Армадой» — грозным и могущественным флотом.

Страшная «Непобедимая Армада» двинулась на английский флот. На море грянул невиданный бой, после которого «Непобедимая Армада» осталась на дне моря, а Англия сделалась на многие годы единственной владычицей морей.

Лондон был шумным, людным городом, с драчливым и беспокойным народом. Английские короли, не задумываясь, расправлялись с жизнью своих подданных. Головы казненных выставлялись на площадях для устрашения буйного и строптивого народа. Один путешественник насчитал на лондонском мосту 34 отрубленных головы.

В жизни англичан было много еще средневекового. Самые образованные люди того времени верили в существование ведьм. Сотни старух были сожжены на лондонских площадях как ведьмы. Люди верили самым невероятным рассказам: в то время передавали как достоверную истину, что одно поле в три акра двинулось со всеми деревьями и постройками. Поле это пошло по дороге, ведущей в город Герт, а потом остановилось.

Никто не удивлялся такому чуду. Когда у королевы Елизаветы разболелся зуб, она позвала не врача: ну где же врачу вылечить, если так сильно болит. Позвали волшебника. Да и сами врачи были суеверны не меньше прочих людей.

Жили тогда грубо и грязно. Кровати и подушки были разве только у знатных людей. Спали на подстилках, под голову клали полено. Белье стирали с коровьим навозом вместо мыла. До королевского дворца доходили слухи, что в Италии появился диковинный инструмент — вилка, которым будто бы едят, но это были только слухи. Графы и герцоги раздирали мясо руками, жрали его жадно, пачкая свои кружевные рукава. Король Яков никогда не мыл рук, иногда он вытирал пальцы о мокрую тряпку: это было его мытье.

Ругались при дворе так же, как в трактире. Как-то королеве Елизавете не понравился костюм одного придворного, так она попросту плюнула ему в лицо.

Еще сильно было средневековье, но уже начинала появляться настоящая наука. Уже Леонардо-да-Винчи в самой культурной стране того времени, в Италии, писал свои замечательные картины и строил летательную машину, а в Англии, среди целой группы драматических писателей, в театре «Глобус», появился Вильям Шекспир.

Взвился ли флаг сегодня над театром? Вот он полыхает по ветру. Значит, сегодня спектакль. Сейчас начнется толкотня и давка на улицах и тысячи неприятностей для уличных торговцев и их товаров. Ладно еще пешеходы. Эти хотя идут густой толпой, но ничего не ломают, пока не появится карета какого-нибудь знатного лорда. «Дорогу графу Пемброку! Сторонитесь! Дорогу лорду такому-то!». Слуги бегут впереди карет и расталкивают народ, народ подается в стороны, лари трещат, товары на земле, а тут еще грязь да этот лондонский туман, когда ничего не видно. Пропади все пропадом! Торговцы проклинали эти барские затеи — театры.

У входа в театр сплошные скандалы, особенно в праздники и чаще всего на масленицу. Народ требовательный: за свои пенсы он хочет посмотреть что-нибудь стоящее. На 300 лет сохранилась память о мистере Уинздоне, который не хотел брать билета, пока не войдет в театр. Синджер, кассир и актер в одном лице, не пускал его. Мистер Уинздон выбил деньги из его рук — медяки так и покатились по земле. Ищи, свищи: публика своего не упустит. Медяков нет. Начинается свалка. Со сцены на помощь Синджеру летят комик Патльтон и трагик Бентлей с приклеенными бородами, но с настоящими шпагами.

Тут уж драка началась не по-театральному. Один из свидетелей драки, в синем кафтане, не попав в театр, отправился прямо на кладбище.

Шумная толпа зрителей ввалилась, наконец, в партер. Театр полон. Сидеть здесь не на чем. Скамей нет. Вход стоит всего пенни — 2 копейки. Зрители — по колено в ореховой скорлупе. Они тут же распивают пиво, толкаются, налезают прямо на сцену. В театре

Старая английская гравюра. Она изображает театр начала XVII века.

так тесно, что актерам трудно играть: того и гляди выколешь шпагой глаз какому-нибудь зрителю из партера. Неприятностей не оберешься. Зрители, приехавшие в карете, сидят в ложе. Среди них, этих знатных господ, есть любители, которые каждый день в театре. Они, не стесняясь, громко ругают и хвалят актеров;

те, которым не нравится спектакль, так же громко ругаются и уходят, не досмотрев спектакля.

Театр, который мы описываем, был совсем не таким, как нынешние театры. В Англии тогда только еще начинали строить театральные здания. До этого актеры давали представления там, где скоплялось больше народа — в гостиницах. Прямо в гостиничном дворе. Дворы были узкие. Народ попроще стоял прямо на земле, а важные постояльцы смотрели из окон да с балконов.

Когда стали строить специальные театры, то они сначала и были похожи на гостиничные дворы. Да это и был двор. Крыши-то в этом театре не было. Спектакли шли днем, и свет падал прямо сверху.

Пьесы Шекспира так захватывали публику, что даже если дождик шел, то зрители партера оставались на местах.

Декораций в театре почти не было, а иногда совсем не было. Нужно герою придти из одного города в другой, из Рима, скажем, в Венецию, он идет с одного конца сцены на другой. Там был Рим, а здесь уже Венеция.

Это рисунок голландца Иоганна Девита, посетившего Лондон в 1596 году. Сцена находится посреди театра, балкон также служит сценой. Зрители помещаются в ложах и просто вокруг сцены.

У автора в пьесе две армии дерутся друг с другом, а на сцене стучат шпагами четыре человека, и зритель верит, что здесь не четыре человека, а две армии дерутся в кровопролитном сражении.

Женские роли играли мальчики лет 14—15. По пьесе — ночь; нежная Джульетта говорит о своей любви к Ромео, а на сцене — день, да еще туман или дождик. Мальчишка в женском платье писклявым голосом говорит стихи Шекспира, а зритель видит и ночь, и Италию, и прекрасную девушку, и пылкого Ромео.

Это странно? Ничуть. Ведь вы сами что видите, когда читаете книгу? Черные буквы. А если книга хороша, то не буквы вы видите, а живых людей и те места, в которых действуют эти люди. А зрители тогда были с большим воображением и горячие, может быть, даже слишком горячие. Они часто смешивали актера с героями, которых играли, и плохо приходилось тому актеру, который играл злодея. Партер его забрасывал огрызками яблок, а иной лодочник или моряк не прочь были и поколотить проклятого злодея.

Английский народ любил и театр и актеров. Но закон их не жаловал. По закону, фокусники, гадальщики, вожатые медведей, бродяги и странствующие актеры наказывались очень строго. Их били плетью и прожигали раскаленным железом правое ухо. Так что это была опасная профессия. И защититься от сурового закона можно было только став слугой какого-нибудь знатного человека. Раз ты слуга — за тебя отвечает господин. И актеры шли в слуги к герцогам и графам. И от этого пошли целые труппы. В труппе графа Лейстера служил одно время Шекспир.

Городские власти, особенно в Лондоне, готовы были с'есть актеров. Эти богомольные ханжи считали, что театр — это греховное зрелище. Человек должен думать о боге и вечном спасении на небесах, а они тут чорт знает чем занимаются. Лондонский лорд-мэр — городской голова, был самым ярым врагом театра. Он даже издал приказ срыть два театра с лица земли.

Актеры не сдавались, хотя бороться было трудно. Они шли на всякие хитрости. Власть лорд-мэра кончалась на одном берегу реки — они выстроили театр на другом. Добраться до него было нетрудно — только реку переехать, а лорд-мэр уже тут ничего сделать не мог.

Лорд-мэр пакостил актерам, сколько мог. Актеры не оставались у него в долгу. Возьмут да и высмеют в каком-нибудь спектакле важных людей города. Выведут какого-нибудь ольдермена — члена городского совета — на сцену под другой фамилией. Зрители, заплатившие по пенсу за вход, прекрасно видят, кто этот дурак, который потешает их на сцене. И костюм его, и борода его, а придраться трудно.

Но все-таки был случай, когда 6 или 7 актеров отправились доигрывать последний акт в тюрьму. Нельзя сказать, чтобы Шекспир и его театр выступали против королевской власти. Наоборот, Шекспир считал власть королей высшей властью на земле, но в драмах своих он был правдив и не скрывал королевских преступлений. Без яда и кинжала не обходилось ни одно царствование. Шекспир показал, что вся история английских королей — это сплошная цепь убийст, обмана и предательства.

В драме «Ричард II» показано, как низвергают плохого короля. Она появилась на сцене как раз накануне мятежа против королевы Елизаветы, и шекспироведы до сих пор не могут понять, почему Шекспир за эту пьесу не сел в тюрьму. А зритель? А зритель партера смеялся безудержу, когда на сцене топтались неуклюжие ольдермены, и мотал себе на ус все эти злодейские истории о королевских делах. Он прекрасно видел, что короли — такие же грешные люди, как и все прочие, да еще погрешнее других.

Часто в пьесах Шекспира самый умный человек среди всех знатных людей — это шут. И если бы спросить у зрителей, на чьей он стороне в этой постоянной борьбе королей, он, должно быть, ответил бы: на стороне шута, самого умного, самого трезвого, самого веселого человека в драме, которую показал писатель.

Где бы дело ни происходило: в старой Англии, в древнем Риме, в далекой Италии, — тогдашний зритель все примеривал к своему времени. Да и как же иначе, если древнегреческие герои на сцене носили такие же штаны и фуфайки, как лондонские горожане.

Лондонцы прекрасно понимали их дела, потому что то же самое было и в их жизни. На смену средневековому театру, который показывал дела и страсти господни, Шекспир дал начало театру, который показывал дела и страсти человеческие.

Поэтому и нам, через 300 лет, он так же близок и понятен, как лондонским кожевникам, валяльщикам шерсти, лодочникам и морякам.

Макбет

Из драмы Шекспира „Макбет"

Мы печатаем несколько сцен из последнего действия драмы Шекспира „Макбет".

Ведьмы предсказали шотландскому королю Макбету, что он будет спокойно царствовать, пока Бирнамский лес не двинется на Донзинанский замок.

Английские войска движутся на Донзинан.

Сцена III

Донзинан. Комната в замке.
Входят Макбет, доктор и свита.

Макбет.

Вперед с докладами не приходить!
Пусть все бегут; пока Бирнамский лес
Не двинулся на Донзинанский замок,
Страх незнаком мне. Что дитя Малькольм?
Иль он не женщиной рожден? «Не бойся», —
Сказали духи мне, а им открыты
Судьбы людей, — «тебе не повредит
Рожденный женщиной». Бегите ж, таны,
Бегите к Англии изнеженным сынам!
Мой крепок дух — и сердцу не смутиться;
Сомненья все и страх мне незнаком.

(Входит слуга.)

Макбет.

Чтоб почернеть тебе в когтях у чорта!
Глядит, как гусь. Чего ты побледнел?

Слуга.

Там десять тысяч...

Макбет.

Да, гусей, конечно?

Слуга.

Солдат, мой государь.

Макбет.

Возьми румян,
Замажь свой страх. Что за солдаты, баба!
Чтоб чорт тебя унес! Ты только годен
Путать других. Что за солдаты, трус?

Слуга.

Британские войска, мой государь.

Макбет.

Пошел же!

(Слуга уходит.)

Сейтон! Как теснит в груди,
Когда подумаю, что битва эта разом
Покончит все: убьет или излечит.
Довольно долго пожил я; мой май
Промчался быстро; желтыми листами
Опал моей весны увядший цвет.
Но где же спутники преклонных лет?
Любовь, почтение, кружок друзей —
Их мне не ждать; на место их — проклятья
На дне сердец и лесть на языке.
Их жалкий род и в ней бы отказал мне,
Когда бы смел. Сейтон!

(Входит Сейтон.)

Сейтон.

Здесь, государь.

Макбет.

Что нового?

Сейтон.

Все оказалось правдой,
О чем слуга докладывал тебе.

Макбет.

Так я дерусь, пока мне не обрубят
Все мускулы с костей. Эй, дать мне панцырь!

Сейтон.

Еще успеете.

Макбет.

Подать, я говорю!
Пошли за вал еще кавалеристов
И вешать всех, кто только заикнется
О страхе пред врагом. Подай мне панцырь!
Подай мне шлем! Где меч? Подай! Не надо...
Все таны, доктор, от меня бегут.
Скорей, Сейтон! О если бы ты мог
Узнать болезнь моих владений, доктор,
И возвратить им крепость прежних лет,
Я эхо пробудил бы славою твоей...
Прими, я говорю... Какие травы,
Коренья, мази, порошки, пилюли
Избавят нас от англичан? Ты слышал?

Доктор.

Я вижу, государь, приготовленья
Для встречи их.

Макбет.

Пока не тронулся Бирнамский лес,
Все вздор: ни яд, ни меч мне не опасны.

Доктор.

Дай только бог уйти из Донзинана!
За горы золота не возвращусь.

(Уходят.)

Сцена IV

Поле недалеко от Донзинана. Вдали виден лес.
Входят Малькольм, Сивард с сыном, Макдуфф, Ментет, Катнесс, Ангус, Ленокс и Россе, за ними войско.

Сивард.

Это что за лес?

Ментет.

Бирнамский лес.

Малькольм

Пусть каждый из солдат
Отрубит ветвь: под тенью их мы скроем
Число людей — враг ошибется.

Солдат.

Иду — и вмиг исполнено все будет.

Сивард.

Мы слышим, что тиран, надежды полный,
Засел в стенах и ждет осады замка.

Малькольм.

Да, Донзинан — его оплот последний;
Все отложились от него: вельможа
И бедный раб бегут, нашедши случай;
А кто остался поневоле с ним,
Тот сердцем далеко.

Макдуфф.

Дождемся следствий:
Они рассудят лучше слов. Вперед!

(Уходят.)

Сцена V

Донзинан. Двор внутри замка.

Входят Макбет, Сейтон и солдаты со знаменами и барабанным боем.

Макбет.

Знамена выставить на укрепленьях!
Отвсюда крик «Идут! Идут!» мне слышен,
Мой замок крепок — пусть ведут осаду —
Она смешна. Под этими стенами
Они чумы иль голода дождутся!
Не будь у них так много наших танов,
Я встретил бы гостей лицом к лицу.
И проводил бы с честью их домой.

(Из замка слышен крик женщин.)

Что там за крик?

Сейтон.

Как будто женский вопль.

(Уходит.)

Макбет.

Я позабыл почти, что значит страх.
А было время, чувства замирали
При крике сов, а от ужасных сказок
На голове вставали волоса,
Как будто в них дышала жизнь! Я сыт;
Всех ужасов полна моя душа,
И трепетать я не могу.

(Сейтон возвращается.)

Макбет.

Ну, что там?

Сейтон.

Ее величество скончалась, государь.

Макбет.

Она могла бы умереть и позже.
Всегда б придти поспела эта весть.
Да, завтра, завтра — и все то же завтра
Скользит невидимо со дня на день
И по складам отсчитывает время;
А все вчера глупцам лишь озаряли
Дорогу в гроб. Так догорай, огарок!
Что жизнь? Тень мимолетная, фигляр,
Неистово шумящий на подмостках
И через час забытый всеми; сказка
В устах глупца, богатая словами
И звоном фраз, но нищая значеньем!

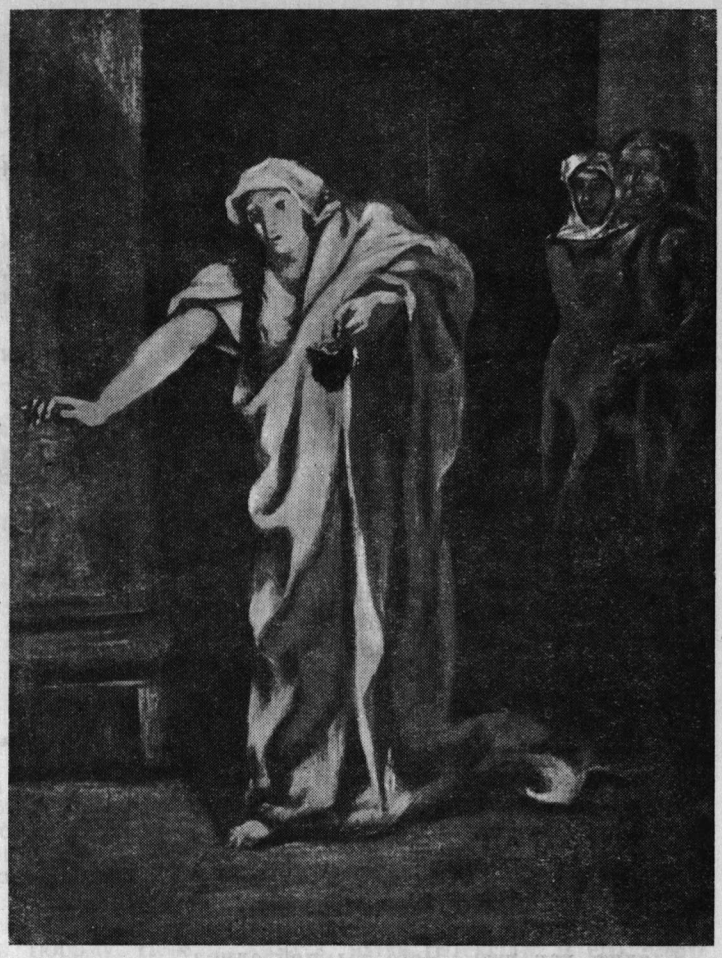
(Входит вестник.)

Макбет.

Ты хочешь что-то говорить — скорей!

Вестник.

Я должен доложить о том, что видел,
Но истинно не знаю, как сказать.



Леди Макбет. *Рисунок Делакруа*

Макбет.

Что ж? Говори.

Вестник.

Стоявши на часах,
Взглянул с горы я на Бирнамский лес;
Гляжу — и вдруг мне показалось, будто
Он движется.

Макбет.

Ты лжешь (б ь е т е г о).

Вестник.

Когда я лгу,
Пусть на меня падет ваш гнев. Взгляните!
Я говорю вам: он идет — отсюда видно.

Макбет.

Послушай! Если ты солгал, живому
На первом дереве тебе висеть,
Пока от голода ты не иссохнешь!
Но если правду ты сказал, тогда —
Мне все равно — повесь меня, пожалуй.
Моя уверенность поколебалась:
В словах врага людей двойной я вижу смысл!
Он лжет и в истине: «Не бойся, Макбет,
Пока не двинется Бирнамский лес!»
И вот он двинулся. Так в поле, в поле!
Теперь мне все равно: спасенья нет.
Мне опротивел этот свет. Иду,
И если пасть мне суждено, паду
С мечом в руках. Ударить сбор, тревогу!
О, если б мир разрушился со мной!

(Уходит.)

ПОЧТА доктора Звенового

Многие ребята прочтут письмо пионеров с Бережковской набережной и скажут: «Это фантазия». Разве могут вырасти деревья вышиной в километр?

Да, конечно, фантазия. Так зачем она нужна? А затем, что из фантазии, бывает, рождаются и настоящие, реальные вещи. Вот была в древности сказка про ковер-самолет, а теперь мы видим самолеты, которые по-настоящему летают над землей. Не ковры, правда, но, пожалуй, еще получше. Писатель Жюль Верн придумал фантастический и неосуществимый для его времени подводный корабль «Наутилус». Не прошло и 20 лет, как настоящие субмарины появились в морях.

Правда, не из всякой фантазии рождаются настоящие дела. Но настоящему изобретателю фантазия всегда помогает.

Напишите ребята, что, по-вашему, хорошо и нужно в том, что написали ребята с Бережковской набережной, а что скучно и неинтересно. Напишите сами, как вы представляете себе будущую жизнь, будущую технику. Самые интересные письма я охотно напечатаю в своей почте.

Доктор Звеновой

Письмо Пети Солдатенкова, Вити Мельникова, Шуры Нисифоровой, Юры Кан, Кузьмы Карташова, Насти Малышевой, Васи Шувакова, Вани Погодина, Али Жалининой.

(Бережковская набережная, д. № 44).

Путешествие в будущее

Мы думали, какая в нашем районе будет Москва через много лет. Мы много говорили и спорили — и вот что надумали.

К нашим домам ведет узенькая улочка, таких уже совсем немного в Москве, тротуаришка — двоим не разойтись. Домишки на ней маленькие, облупленные. На набережной Москвы-реки кучи всякого мусора, рытвины, ямы, ухабы, а ветер подует, так такая пыль — свету не видать. Потом завод Дорхим и наши дома.

Зелени здесь совсем нет. Только на Потылихе растет небольшой березовый лес. Около этого леса большой овраг. Он весь зарос крапивой. Наша улица сейчас грязная и некрасивая. А вот как, мы думаем, должно быть через 10 лет: на Бережковской набережной будет широкое асфальтированное шоссе; трамвайную линию долой; и машины будут тут ездить так тихо, что на улице хоть шопотом разговаривай.

А по краям дороги посеют траву. И такую траву, что по ней ходи сколько хочешь, а она только лучше еще от этого расти станет.

И вдоль улицы бульвар из персиковых и лимонных деревьев, чтобы цвели, пахли. От тени этих деревьев будет прохладно в самую жару. А осенью персики на них и лимоны будут. Их посадят около Потылихи, у жилых домов, подальше от завода.

Дома будут не очень высокие: всего 6—9 этажей, но они будут лучше самых красивых в мире. Сделают их не из кирпича, не из дерева, а из бумаги. Это не такая бумага, как в тетрадках. Она такая будет плотная, что ничего через нее не будет слышно, и гореть не будет. Такие дома можно будет складывать и переносить с места на место как мебель в комнате, в случае если не понравилось, как расставили, раз—два—и переставили.

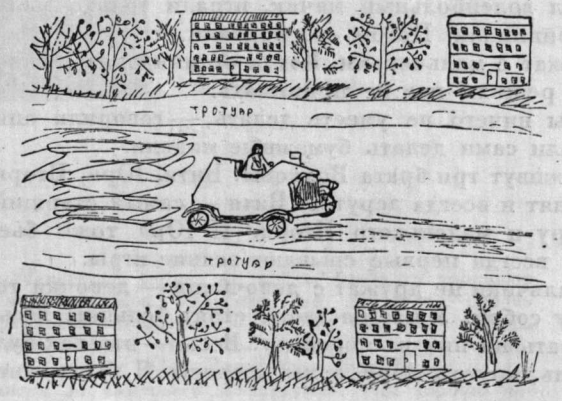
В этих домах будет очень хорошо жить: светло, чисто, тепло. Мух не будет ни одной: мы посадим вокруг домов большие белые цветы —«мухоловки». Они вроде мимоз сжимаются, как только муха сядет на цветок, он закроется — и мухе конец.

Чтобы дым из заводских труб не портил воздух, мы посадим вокруг завода деревья вышиной в километр. Листья у этих деревьев будут расти один около другого так плотно, что весь дым останется на них.

На Потылихе вместо березового леса будут густые, темные заросли. Там вырастет тропический лес, тропические деревья, там заведутся дикие звери — тигры, бобры.

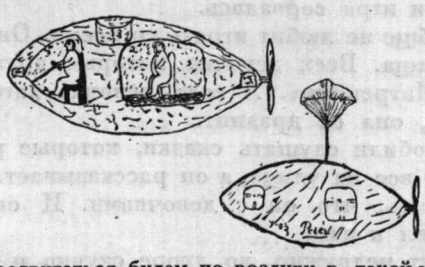
В этом лесу будет магазин. Придет рабочий в такой магазин и скажет: «Сделайте мне бобровую шубу». Ему настреляют бобров и сошьют шубу по мерке.

Рисунок Насти Малышевой



Вот такая будет наша улица.

Рисунок Пети Солдатенкова



А передвигаться будем по воздуху в такой кабине с парашютом. Наверху—кабина в разрезе.

Рисунок Али Жалининой.

На Потылихе вместо березового леса будут густые тропические заросли.

В заповеднике разведут сибирских кошек. Из их шкур тоже можно сделать хорошую шубу.

А там, где сейчас овраг, там мы устроим футбольный стадион. Он будет куда больше чем стадион «Динамо».

На берегу Москвы-реки будет купальня. Она будет такая высокая, что как заберется человек на вышку для прыжка, его с земли не будет видно. К купальному костюму будут приделаны крылья, и он полетит к воде плавно и красиво, как птица. А под водой он сможет быть долго, потому что весь костюм будет сделан как водолазный, только гораздо легче. Кататься мы будем на складных лодках. Они будут из резины. Как захочешь кататься, — надуй воздухом; покатался — выпусти воздух, лодку подмышку — и пошел.

А передвигаться будем по воздуху. У каждого будет свой парашютик, и к нему кабина с пропеллером. Как заведешь пропеллер, — парашютик поднимется вверх, выключишь — и на парашюте спустишься вниз. Даже в разные стороны не только вверх и вниз можно будет летать, потому что в кабине устроим управление.

А еще будет воздушная дорога. По проводам на роликах будут в корзинах люди ездить из дома в дом, прямо на балкон.

Наша улица через 10 лет будет очень красивой и веселой. На небе будет кино, а чтобы шея не устала смотреть вверх, в аллеях вместо скамеек поставят парусиновые кресла: лег — и гляди в ночь, а там картину пускают.

Вот какая будет жизнь!

Письмо Лиды Митюшиной

(Москва, Волхонка, 5/б)

Чем кончилась игра в корабль

Дружба бывает разная. Иногда ребята дружат только потому, что в бабки не с кем поиграть или просто скучно. А стоит одному попасть в беду—другой приятель и пальцем не шевельнет, чтобы выручить его.

Это дружба плохая, не пионерская, она долго не продержится. А вот когда ребята дружат потому, что их интересует одно и то же дело, сообща добиваются какой-нибудь цели, вместе учатся и играют — это хорошая дружба. Трудно одному соорудить какую-нибудь модель, так друг поможет, вдвоем работать и веселей, да и дружба крепнет. А вот Лида Митюшина пишет, что у них во дворе скучно. Почему? Да потому, что ребята недружные. А как в других дворах?

Я хочу рассказать о нашем дворе. У нас много ребят, но дружбы настоящей нет. Ребята между собой ругаются и дерутся.

Никогда мы не устраиваем общих игр. Вот рядом с нами есть двор—по Лебяжьему пер., д. 34. Там, когда ни придешь, девочки и мальчики вместе играют в волейбол или в лапту. Вместе соберутся и читают. У нас этого никогда не бывает.

Когда у нас был волейбольный мячик, играли только мальчики, а нас не принимали. Потом его порвали.

Девочки не дружат с мальчиками. Когда организовался авиокружок, мальчики решили нас не принимать.

— Все равно вы ничего не умеете делать, — говорили они.

Мы все же начали сами делать бумажные модели.

У нас во дворе живут три брата Волковы: Витя, Юра, Игорь. Они очень хулиганят и всегда дерутся. Витя — самый старший, и он избивает Юру и маленького Игоря. И Юра тоже бьет Игоря. Эти ребята всегда первые срывают всякие игры.

Но не только мальчики не дружат с девочками — девочки тоже ссорятся между собой. У нас на дворе стоят большие весы. Мы придумали играть на них в «корабль». Весы — это как будто большой корабль, кругом море, а мы матросы. Я была капитаном.

Но матросов у нас было мало, и мы позвали мальчиков. Только наш корабль вышел в открытое море, как начался бунт на корабле.

Нина Трофимова предложила другой курс корабля, чем мы наметили. Но ребята с ней не согласились. Она очень обиделась, стала подговаривать девочек уйти с корабля. Некоторые девочки ушли за ней, и игра сорвалась.

Нина Трофимова вообще не любит играть со всеми. Она придумывает всякие прозвища. Всех девочек, которые дружат со мной, она называет «Матренами». А если девочка заговорит с кем-нибудь из ребят, она ее дразнит.

Мы раньше очень любили слушать сказки, которые рассказывал Женя. Соберемся все на улице, а он рассказывает. Тогда Нина стала его дразнить, что он с девочками. И он одно время даже не подходил к нам.

А когда ребята живут недружно, во дворе скучно и нельзя никаких игр придумать.

Письмо Фридриха Цунина.

(Курская обл., Свердловский р-н, с. Никольское).

Змеи-гиганты

Мне понравилось письмо Игоря Березина об истории Красного холма (№ 14 журнала «Пионер»). Я тоже занимаюсь изучением истории своего села Никольского.

Очень давно на месте нашего села Никольского были непроходимые леса и вязкие болота.

Но затем лес стали вырубать, и вырубленные места стали заселяться народом. Сейчас село Никольское большое. В селе более 700 домов.

Раньше же это была маленькая деревенька. Жить тогда здесь было опасно. Здесь водились громадные змеи, которых крестьяне называли «полозами». Эти «полозы» убивали даже коров. О их хищных проделках рассказывают седые старики. «Когда паслись коровы,—говорят они,—эти страшилища выходили охотиться на них. Коровы, почуяв врага, разбегались. Но змея свертывалась кольцом и как стрела пускалась за добычей. Страшно было глядеть на это громадное кольцо. Гиганты мигом нагоняли корову, обвивали ее тело и убивали ядом».

Затем постепенно они вымерли. В настоящее время в наших никольских лесах водится только змеи-гадюки.

Все это было очень давно. Может, старикам тоже рассказали старики; но рассказ о змеях-гигантах сохранился до сих пор, и я его записал.

Рассказы о змеях-гигантах можно услышать в самых разнообразных местах. Ходоки из Южно-Уссурийского края говорили нам, что им случалось видеть след и норы змей длиною и толщиной в телеграфный столб. В горном Туркестане охотники на диких зверей и местные крестьяне (курды, персы и русские) рассказывали нам о том, что в горах встречаются змеи длиной до 15 — 20 метров. Змеи эти, по их словам, целиком заглатывали коров. При преследовании добычи они свертывались колесом и со страшной быстротой неслись за коровой или убегали от преследования охотников. На Кавказе во многих местах можно слышать о змеях-«летучках», которые блеют как козы и тоже давят скот и людей. Эти народные сказания передаются из поколения в поколение, из уст в уста, но никто лично, конечно, никогда не видал и не мог видеть подобных гигантов у нас в Союзе, так как самые большие змеи до 10 — 12 метров водятся только в тропических странах Индии и Ю. Америки. Самая большая змея Советского союза длиной в 3,5 метра не ядовита. Называется она — желтобрюхий полоз. Не только коров, но даже и кролика полоз не может задушить.

Письмо Юры Золотова и Васи Титова.

(Моск. обл., д. Бортниково).

Куриные пастухи

Когда стали поспевать овес и рожь, куры целыми днями бродили в овсах и во ржи и клевали зерно. Наш колхоз решил бороться с этим грабежом. Назначили сторожем по охране урожая от кур одну старуху.

Да куда ей, выгонит кур с одной полосы, пойдет на другую — идет как улита. Сгонит с этой, другой, а куры на третьей полосе зерна обклевывают. Разве это сторож? Собрали собрание. Все говорят, чтоб ребят назначили: «У них ноги молодые, бойкие».

Я Ваську Титова отвел за угол и говорю: «Давай с тобой вдвоем всех кур отучим». Васька сказал: «Валяй, говори». Я подошел к предколхоза и сказал ему. Тот сейчас же: «Вот Васька с Юркой берутся сторожить вдвоем, я предлагаю их назначить. Они бойкие, за день им 50 сотых будем платить». Все согласились.

На другой день рано утром отправились мы охранять поля. Увидали кур в одном месте, захлопали кнутами, заорали, завыли, залаяли, куры — от нас, и так мы их гнали до самой деревни. И других также проучили.

Проходят мимо колхозники и хвалят нас: «Молодцы ребята, так их, так, так!»

На следующее утро вышли опять, но уж кур не подпускали к овсу и ко ржи. Они стали нас побаиваться. А мы нарочно садились в траву, а как куры подойдут, — мы им «психическую атаку» и устроим.

Колхозники с покоса идут и кричат нам: «Эй, куриные пастыри, не спите!»

«Не спим, не беспокойтесь, кур не подпустим».

Вот как мы сторожим наши поля от кур. Хотя нас и зовут «куриными пастухами», но мы гордимся этим, ведь мы тоже охраняли колхозный урожай.

Некоторые ребята не любят, когда им поручают «мелкие» дела. «Ну что это за дело — беречь школьное имущество» — думают они. Им хочется такое сделать, чтобы во всем мире о них заговорили. А вот Юра Золотов и Вася Титов не гонятся за «мировым масштабом»: они хорошо понимают, что где бы ни был пионер, на каждом участке, он должен охранять социалистическую собственность.

Может, другие ребята и не взялись бы быть «куриными пастухами», а Юра и Вася взялись и много хлеба сохранили колхозу.

Новая Москва

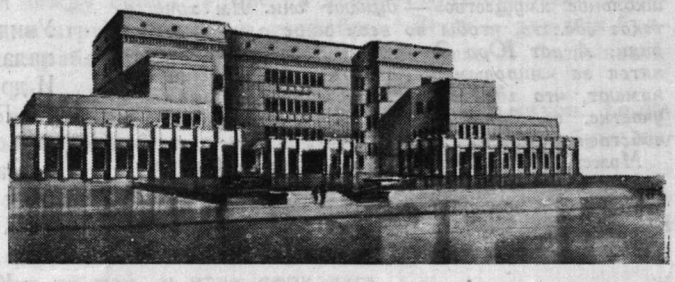
Угловая башня центрального стадиона СССР в Измайловском парке. Проект архитектора Колли.

АРХИТЕКТОР
Н. Я. КОЛЛИ

Все большие города возникали главным образом на таких местах, на которых легче всего было людям селиться и которые были связаны с другими городами и селениями наиболее удобными путями сообщения. Москва возникла на Москве-реке, на месте впадения в Москву-реку рек Яузы и Неглинки. Восемьсот—девятьсот лет назад дорог было мало и реки были главными путями сообщения: в лодку грузили товар и по течению спускали вниз или тащили на буксире с берега. Такие города, как Москва, Киев, Владимир, выросли на реках. Город Париж вырос на реке Сене. Лондон—на реке Темзе. Причем города возникали в таких местах, где происходила задержка путешествия: или останавливались на отдых, или в этом месте были пороги, или почему-либо товары нужно было перегружать с одних лодок на другие, и т. д.

Сначала был очень маленький Кремль, обнесенный стенами из сосновых бревен, потом возле него вырос торговый город—Китай-город, в котором жили всякие торговцы. Селились здесь потому, что эти места были холмистые, сухие, а на берегах реки Неглинки, на нынешней Моховой улице, были болота. Китай-город в свою очередь был обнесен стеной для защиты жителей от набегов кочевников. В моменты опасности со стороны кочевников жители окрестных селений стекались в Москву под защиту стен. Многие оставались здесь жить, и таким образом Москва расширялась, обрастала посадами. Москва уже занимала большую территорию, окруженную в настоящее время кольцом, по которому ходит трамвай «А». Пятьсот — шестьсот лет назад и вокруг этого кольца была выстроена стена из белого камня, с воротами, и эта часть города называлась Белым городом. Стены давно уже разрушены, а названия ворот сохранились до сих пор: Арбатские, Никитские, Покровские, Сретенские и т. п.

Проект школы Пролетарского р-на. Архитектор Дулгиер.



Школа на Дангауэровке. Проект архитектора Фридмана

Москва возникла именно на таком месте, где происходила перегрузка лодок. Отсюда можно было ехать по Москве-реке в Коломну, а потом, по реке Оке, на Волгу и на восток; можно было ехать на запад, в Звенигород. Эта часть связывалась со смоленскими землями. Из Москвы-реки по Яузе можно было подняться на север. В том месте, где Неглинка впадала в Москву-реку, и возник город.

В Москву, в эту большую деревню с деревянными домами, приходили ремесленники и селились слободами: садовники, кожевники, каменщики и т. п.—по специальности.

К Белому городу лепились слободы этих ремеслен-

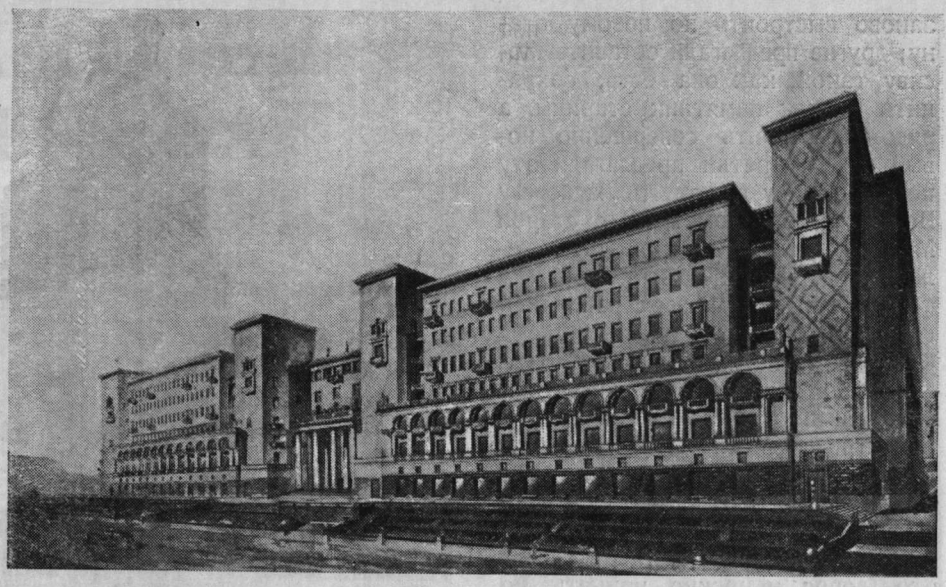
ников. Названия этих слобод сохранились до сих пор: Садовники, Кожевники, Сыромятники, Хамовники (по-древнерусскому — ткачи).

Из Москвы нужно было проехать в окружающие города: в Серпухов, Ярославль, Звенигород, Владимир. И вот в разные стороны из Москвы пошли тропы. Получилась паутина из улиц: одни шли вокруг Кремля кругами, другие от центра расходились радиусами в разные стороны.

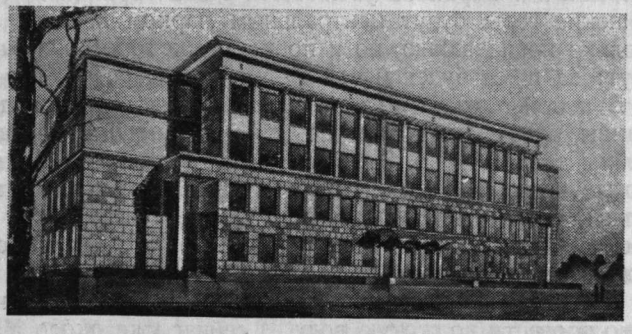
Москва росла не по заранее задуманному плану, а случайно: люди приходили и селились, где им было удобнее. И до сих пор вы можете видеть в Москве всю ее беспорядочность: один дом выбежал на тротуар, другой спрятался во двор, все улицы в переулки кривые и узкие.

Так же беспорядочно рос и Париж. В Париже до сих пор есть такие улицы, в которых можно протянуть руку из окна и постучать в окно дома, стоящего на другой стороне улицы.

Ленинград же, который основан в 1701 году Петром Первым на Неве, уже построен по плану. Улицы там широкие, прямые, правильно распланированные, с большими кварталами. И город имеет совсем другой вид. Проспект им. 25 Октября идет на три километра по прямой линии, без всяких поворотов. В конце стоит Адмиралтейство с высоким шпилем. Проспект этот очень красив.



Жилой дом на Котельнической набережной. Проект архитектора Ловейко.



Школа на Б. Молчановке. Проект Капустина и Кусакова.

В наследство от прежнего времени мы получили Москву-деревню, которая не имела никакого благоустройства. Вся грязь и нечистоты так и оставались на улицах. Москва росла на грязи. Слой грязи постепенно вырастал толщиной в несколько метров. В Кремле Успенский собор, который был выстроен четыреста семьдесят лет назад, пришлось откапывать на полтора метра, так затянуло его грязью. В Москве часто происходили пожары. Дома были исключительно деревянные. Стояли они очень тесно, и стоило загореться в одном месте, как начинала полыхать Москва во всех концах.

Грязные, тесные, кривые улицы с домишками, разбросанными в беспорядке, старой Москвы сохранились почти до революции, с той только разницей, что на месте деревянных домов в центре были выстроены большие каменные дома, а бесплановость и беспорядок остались те же.

Сейчас с каждым годом в Москве увеличивается количество автомобилей, автобусов, появились тролейбусы. В этом отношении мы скоро догоним такие города, как Нью-Йорк, Лондон и Париж. Но мы хотим избежать тех затруднений, какие испытывает автотранспорт в этих городах.

В Нью-Йорке, в центре, вследствие уличной тесноты автомобили двигаются со скоростью всего трех километров в час, тащатся медленнее пешеходов. А в нашей Москве, с кривыми, тесными улицами, так и совсем нельзя будет передвигаться. Чтобы избежать этого, мы построили метро, но кроме этого надо сейчас же приниматься за переустройство, перепланировку Москвы: расширить и выпрямить старые улицы, проложить новые улицы, которые соединяли бы одну часть города с другой, минуя и без того перегруженный и людьми и автомобилями центр. Ведь сейчас, для того чтобы проехать из Пролетарского района во Фрунзенский, надо непременно ехать через центр. Почти весь городской транспорт проходит через центр, и оттого-то в центре образуются заторы и пробки.

Школа на Н. Пресне, архитектор Буров.

Москву надо перепланировать, заодно озеленить, украсить красивыми зданиями, сделать не только удобной, но и самой красивой столицей мира. Но как это сделать?

Было несколько предложений, как перестроить Москву: одни предлагали всю Москву начисто срыть и

заново выстроить по новому плану; другие предлагали оставить Москву такой, как она есть, сохранить ее как памятник старины, а рядом выстроить совершенно новый город; третьи предлагали эту новую Москву выстроить на берегу Волги, в 150 километрах от старой Москвы, сделать быстроходную железную дорогу и возить сюда, на фабрики и заводы, всех рабочих и служащих.

Год тому назад товарищ Сталин собрал архитекторов и попросил рассказать о том, как они думают перестроить Москву. Ему передали все предложения, и товарищ Сталин сказал, что срывать Москву нельзя: Москва — город, который сложился постепенно, так в основе этот город и нужно принять, но нужно его упорядочить, привести наши улицы в надлежащий вид. План, который утвержден ЦК партии и правительством, основан на том плане, который Москва имела до этого времени.

Дом книги. Орликов пер. Проект архитектора Голосова.

По этому плану, через десять лет население Москвы должно увеличиться с трех с половиной миллионов до пяти миллионов.

Для того чтобы хорошо расселить это население, создать такие условия, чтобы у всех были отдельные квартиры с хорошими комнатами, нужно будет в течение десяти лет построить пятнадцать миллионов квадратных метров жилой площади. В Москве, которая строилась восемьсот лет, сейчас пятнадцать миллионов квадратных метров жилой площади. Таким образом, за десять лет нам нужно выстроить новую Москву, такую же по площади, но не такую по удобствам. Нужно выстроить красивые дома с отдельными квартирами, дома шестиэтажные, с лифтами. Дома эти будут строиться главным образом на набережных. На воде всегда приятно жить. Сейчас набережные облицовываются гранитом. Все фабрики и заводы, которые сейчас стоят на берегах Москвы-реки, будут или отодвинуты или совсем перенесены. А те заводы и фабрики, которые дымят, испускают едкий запах, вредны в санитарном отношении, постепенно, в течение десяти лет, будут вынесены за город.

Сейчас в самом центре Москвы начинает строиться одна из больших магистралей, которая пройдет через всю Москву и будет красивее даже чем проспект им. 25 октября в Ленинграде. В Охотном ряду строится гостиница Моссовета и напротив — дом СТО. Эта улица пойдет мимо манежа, по направлению к Пречистенке и Остоженке, где строится Дворец советов. Дворец советов будет самым большим зданием в мире, высотой в четыреста двадцать метров. Наверху будет семидесятиметровая фигура Ленина.

Центральный дом колхозника. Проект акад. Щусева.

Этот громадный город надо озеленить. Если среди больших каменных домов разбивать небольшие скверы, то они быстро зачахнут от пыли.

Нужно, чтобы парки были большие и чтобы эти парки соединялись с лугами, полями, и лесами, которые окружают город. Тогда свежий воздух лесов и полей по паркам дойдет почти до центра города—и воздух в городе будет чистый и свежий. Парк культуры и отдыха им. Горького увеличится в два—три раза; Ленинские горы будут центральным парком Москвы не только по названию, но и по месту, которое они займут: за ними будет новая территория города.

В новой Москве во всех домах будут водопроводы, ванны, души, будут выстроены новые бани, новые бассейны для плаванья. С увеличением населения и расход воды увеличится вдвое. А где взять такое количество воды? Если усилить насосы, которые подают воду в Москву с Рублевской станции, они скоро высосут всю воду из Москвы-реки.

Товарищ Сталин и тут дал указание: в Москву нужно провести волжскую воду. И сейчас уже около Москвы строится грандиозное сооружение, так называемый канал Волга—Москва, который имеет три цели: 1) дать Москве воду в таком количестве, чтобы хватило на всех, 2) сделать Москву-реку судоходной, чтобы по ней могли ходить пароходы, и 3) болота, разбросанные вокруг Москвы, с помощью устройства ряда плотин, превратить в озера. Возле Химок, Клязьмы, Истры разольются громадные озера, километров в тридцать длиной и в пять—десять километров шириной. Канал Волга—Москва будет одним из величайших в мире: длина его — сто двадцать восемь километров. А Москва будет портовым городом.

ПОД ЗНАМЕНЕМ КОМИНТЕРНА

Сколько морей переплыть, сколько дорог пройти и проехать пришлось этим замечательным людям, прежде чем попасть на конгресс! Этот конгресс был всемирный—значит, на нем были люди со всего мира. Это был конгресс Коминтерна — значит, на нем были лучшие люди земного шара, передовые бойцы за счастье трудящихся людей всего мира.

Это смелые люди. Уехать из фашистской страны в СССР на конгресс и приехать обратно—это уже геройский поступок, а там ведь еще надо донести до всей партии указания конгресса, а потом, не боясь тюрьмы, виселицы или топора, нужно выполнить эти указания.

Конгрессом руководят старые, опытные бойцы, поседевшие в боях против капитализма. Имена их знает весь мир. Среди них француз Андре Марти, который в 1918 г. в Одессе поднял восстание во французском флоте, немец Вильгельм Пик, боевой друг Карла Либкнехта и Розы Люксембург, итальянец Эрколи, которого судят чуть ли не во всех процессах против коммунистов в Италии, тов. Мануильский, Пятницкий. Воспоминания Пятницкого о борьбе большевиков в царской России — это учебник подпольной работы для всех коммунистов капиталистических стран.

Наконец, среди руководителей конгресса рулевой Коминтерна — Георгий Димитров, один из славнейших вождей рабочего класса.

В 1933 году германские фашисты нарочно сами подожгли здание рейхстага, парламента, чтобы обвинить в этом коммунистов.

Они арестовали и посадили на скамью подсудимых старого болгарского коммуниста Димитрова. Больше полугода на виду у всего мира шла борьба между Димитровым и фашистским судом. Никакие угрозы не сломили бесстрашного коммуниста, он повел дело так, что оказался не подсудимым, а обвинителем фашистского строя. Судьи чувствовали себя на скамье подсудимых, боялись вопросов Димитрова. Рабочий класс всего мира встал на его защиту, и они вынуждены были оправдать его. Димитров был освобожден.

Этих товарищей и еще других славных людей рабочего класса: испанскую коммунистку Долорес и японца Окано, и китайца Чжоу Хосина и сидящего в фашистской тюрьме Тельмана—конгресс выбрал в президиум. Имя каждого из них встречалось аплодисментами. Когда же назвали имя Сталина, величайшего вождя рабочего класса всего мира, в зале поднялась буря. «Эс лебе, Сталин!» — кричали немецкие делегаты. «Вив Сталин!» — кричали французы. «Нех жие Сталин!» «Лонг лив Сталин!» — поляки и англичане. «Да здравствует Сталин!» Эта буря аплодисментов и приветствий вылилась в пение «Интернационала». Все делегаты пели его как один, каждый на своем языке. Это рабочий класс всего земного шара приветствовал своего вождя.

Почти целый месяц заседал VII конгресс Коминтерна, обсуждая, как нужно бороться с главным врагом рабочего класса — фашизмом, с войной. Этот конгресс решил принять новую тактику, новые способы борьбы за мировую революцию. Фашизм пока победил в Германии потому, что рабочий класс был расколот, часть рабочих шла за социал-демократическими вождями. Эти вожди не хотели решительно вместе с коммунистами выступить против фашизма. Этим они расчистили фашистам дорогу.

Рулевой Коминтерна— Георгий Димитров.

Седьмой конгресс решил, что нужно организовать единый фронт против фашизма. Коммунисты должны бороться не одни, а привлечь всех трудящихся, которых угнетают фашисты. Социал-демократические рабочие должны об'единиться с коммунистами в этой борьбе. Бороться вместе против фашизма — вот главное дело. И если оно пойдет на лад, если социал-демократические партии решат совсем порвать с буржуазией, бороться революционным путем за советскую власть, то Коминтерн решил предложить об'единение, чтобы рабочие в той или иной стране не были расколоты на две части, а были бы в одной революционной партии.

Седьмой конгресс Коминтерна зовет весь рабочий класс под одно знамя на борьбу против фашизма. Пролетарии различных стран и даже те из них, кто состоит в социал-демократических партиях, откликаются на призыв Коминтерна и вместе с коммунистами борются против фашистов.

Седьмой конгресс Коминтерна поднял знамя единства рабочего класса.

Девушка у пулемета

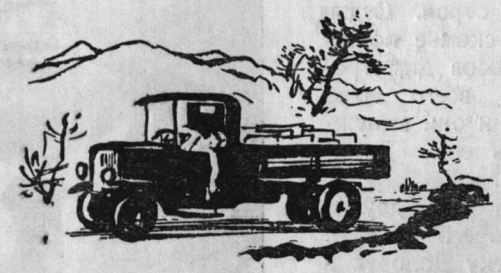
Борьба с фашизмом во всех странах родит подлинных героев революции. Вот испанская комсомолка Аида Лафуэнтэ. 17-летней девушкой она участвовала в жарких революционных боях. Под обстрелом противника она доставляла на фронт снаряды и оружие. Осколком бомбы, брошенным с самолета, ей ранило голову — она осталась в строю.

Под натиском войск генерала Очао рабочие стали

отходить от города Овиедо в горы. У подножия горы Наранко они поставили пулемет и отстреливались от солдат генерала Очао. Но скоро уже некому было стрелять: все были убиты, кроме комсомолки Аиды. Аида, оставшись одна, не бежала с поля брани, наоборот: она стала к пулемету и одна отстреливалась от целого батальона солдат. Стреляла она метко. Солдаты наступали осторожно и медленно, трусливо прячась за прикрытиями. Но вот у Аиды вышли патроны, и пулемет смолк. И только тогда солдаты смело ринулись в атаку. Изумление солдат, когда они увидели перед собой одинокую девушку, сменилось бешенством. А девушка, словно издеваясь над ними, стояла у пулемета.

— Да здравствует коммунизм! Да здравствует революция! — крикнула она.

20 ружей выстрелили залпом, и Аида Лафуэнтэ упала на землю. Она отдала свою жизнь за советскую Испанию.



Подарок японского шофера

Вот другой пример исключительного героизма, о котором рассказал на Конгрессе китайский делегат Ван Мин.

Китайской красной армии, китайским партизанам приходится бороться с многочисленными врагами в самых тяжелых условиях: у них часто не хватает оружия, патронов, и им приходится уходить в глухие горные ущелья.

И вот 23 июня этого года в Восточном Гирине, в уезде Лин-Ан, в глухое горное место, где обычно скрываются отряды антияпонских партизан-китайцев, приехал грузовик, нагруженный 60 тысячами винтовочных и пулеметных патронов, гранатами и бомбами. Грузовиком управлял японский военный шофер. Шофер долго колесил по глухим дорогам, разыскивал партизан и никак не мог их найти. А к этому месту уже подходили японские отряды следом за отбивавшимися от них китайскими партизанами. Уже где-то вблизи раздавались их выстрелы. Шофер покончил с собой.

Китайские партизаны отбили атаку японских войск и рано утром 24 июня наткнулись на горной дороге на грузовик с мертвым шофером. В кармане шофера они нашли письмо, в котором он писал:

«Дорогие товарищи из антияпонской народной армии и из всех антияпонских партизанских отрядов!

Я к вам отправил маленький подарок — 60 тысяч патронов и много ручных гранат и бомб. Я хотел бы лично поговорить с вами о той необ'ятной любви, солидарности и уважении, которые испытывают компартия Японии и японский трудовой народ к вам, национальным героям, ко всему близкому и любимому китайскому народу и к славной братской компартии Китая в нашей совместной борьбе против японских империалистических хищников. Я ждал вас долго, но не мог дождаться. Я уже слышал выстрелы приближающихся японских войск. Что я мог сделать в таком положении? Вернуться к японским войскам не хочу и не могу. Я решил покончить с собой и оставить вам этот маленький подарок. Но не знаю, получите ли вы его. Желаю вам его получить.

Крепко жму руку.

С товарищеским приветом, один из ваших японских товарищей коммунистов. 23/VI 1935 г.».

Рыцарь надежды

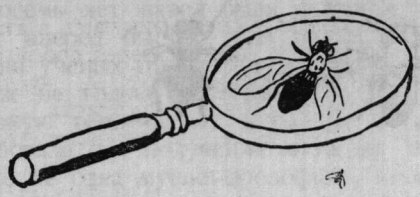
В Бразилии, находящейся под гнетом английских и американских капиталистов, солдаты и крестьяне от непосильных налогов бежали в леса. Их собралось 2000 человек. Они образовали целую колонну, во главе которой встал Луис Карлос Престес. Эта колонна прошла по тропическим лесам на берегах реки Амазонки, по самым глухим, неисследованным местам, по горным ущельям, наводя страх и ужас на правительственных чиновников, полицейских, и авантюристов, проникавших в лесные дебри и горные ущелья за золотом, каучуком и хинной корой.

Колонна Престеса исколесила 25 000 километров, мстя эксплоататорам и отстаивая свою свободу и независимость. О колонне Престеса говорила не только вся Бразилия: вся Латинская Америка с уважением произносила ее имя.

Пять лет Престес героически боролся за независимость, но безрезультатно! Что мог сделать двухтысячный отряд отважных людей, если на защиту свободы не встал весь трудовой народ? Престес героически сражался до последнего момента и, разбитый правительственными войсками, ушел со своей колонной в Боливию. Но слава о нем осталась в Бразилии. Вся трудовая Бразилия называет его своим национальным героем.

«Рыцарь надежды» — говорят о нем бразильские рабочие и крестьяне.

Сейчас Престес — вождь национального освободительного альянса (союза) Бразилии. Он понял, что нельзя бороться в одиночку, и примкнул к коммунизму. Ряды мирового коммунизма пополнились еще одной колонной героев-революционеров!



МУХИ ПРОФЕССОРА МЕЛЛЕРА

Очерк В. Сафонова

Рисунки Б. Берендгофа

Учился я еще в царской гимназии. Три раза в неделю нам преподавал «закон божий» юркий, маленький попик. Борода у него вечно была в табаке, а на голове он носил мятый засаленный котелок, похожий на кастрюлю. Мы так и звали его «Кастрюлей».

У «Кастрюли» было два врага: первый враг—«камчаточники», которые с задних парт ловко кидали на его уроках бумажные стрелы; вторым врагом была наука: «Кастрюля» посрамлял ее на всех своих уроках. При этом особенно влетало нашему учителю природоведения, которого «Кастрюля» терпеть не мог.

— Вы там говорите: кровообращение, природа, химия,—гремел «Кастрюля», потрясая рукавами рясы.— А вот думали ли вы, почему из яйца курицы всегда выходит цыпленок, из утиного яйца—утенок? Почему твой батька-бакалейщик, Николай Смушкин, рыжий, как Иуда, и ты христопродавцем в него вышел? Разве вы видите в скорлупе маленькую курицу, когда едите яйцо всмятку? Чудо каждый день являет господь перед очами вашими, а вы, нехристи, и не видите!

Бойкий «Кастрюля» знал очень мало. Больше всего он не любил, когда при нем упоминали о знаменитом английском ученом Дарвине. Ведь Дарвин, к соблазну верующих, доказал, что все породы животных и растений не бог создал, а сами они медленно развились одна из другой и даже человек произошел от обезьяны. Сейчас о Дарвине знает каждый советский школьник. Но в старой гимназии мы о нем почти ничего не знали.

Книги Дарвина иногда приносил в класс Сема Лунц, сын врача. Мы читали их поочереди, а потом собирались и обсуждали.

«Смотрите, сколько пород голубей: и дутыши, и турманы, и почтовые. А дикий голубь всего один—сизый голубь, сизарь. Сколько разнообразных пород собак: гончие, лягаши, таксы, мопсы, пудели... Куры: легторны, плимутроки, кохинхины... Их вывел сам человек. Их не было раньше в природе. Садовод, животновод пользовались тем, что дети никогда в точности не бывают похожи на родителей. Они отбирали из поколения в поколение более носких кур, голубей затейливого вида. Прошло много лет, много поколений—и вместо одной простенькой дикой породы получилось много замечательных культурных пород».

Колосья обыкновенного овса.

Вот что говорили нам книги Дарвина.

Один из нас, Сашка Бессонов, начинал мечтать:

— Слушайте, а все-таки садовод и животновод должны ожидать, пока там появится то, что ему нужно. Вот, скажем, хочу я вывести виноград такой, как яблоко. А для этого мне надо ходить по винограднику, смотреть, нет ли куста, у которого ягоды крупней, чем всегда бывают. А если не вырастет такого куста? Одним словом, сиди у моря и жди погоды.

— Ну, а чего же ты хочешь?

— Я хочу? Да как сказать? Дети всегда похожи на родителей—хорошо, это наследственность. И хоть похожи, да всегда чем-то отличаются,—это изменчивость. Так вот и жалко мне, что «Кастрюля» прав, кажется, и мы ничего толком не знаем: ни почему похожи дети, ни почему они отличаются от своих родителей.

— Ну, а если узнаем?..

— Очень просто: мы научимся тогда управлять наследственностью и изменчивостью. Да вы понимаете, что это значит? Что значит, когда человек сумеет управлять живым миром так же, как он управляет машинами? Тугодумы вы, двоешники! А можете представить себе пустыню: барханы, пески, а на них скороспелые ягодники? Или хлеба, не боящиеся морозов и засух, или свинью, этакий кусок сала величиной с теленка?

— И лягушку величиной с вола? Ха-ха-ха!..

— И когда же это будет, мечтатель?

Сашка мрачнел. Он не любил, когда перебивают:

— Дьявол знает, когда. При гнусном нашем правительстве да при купцах-хапунах ничего не будет. Вот если бы кончилось их царство, тогда...

Сашка сейчас — профессор. Он дождался конца царствования «хапунов». Должно быть, он радостнее всех на свете прочел в газетах 8 лет назад, в 1927 году, что, наконец, наука сделала первый шаг к тому, чтобы научиться управлять изменчивостью живых существ. И Сашка подумал, верно, что тогда лопнуло последнее чудо попа «Кастрюли».

Это сделал Меллер, американец, теперь знаменитый на весь мир.

Тогда Меллер был профессором Техасского университета. Он занимался наукой, изучающей изменчивость и наследственность. Наука эта называется генетикой. Большая лаборатория Меллера была сплошь заставлена сложнейшими инструментами, микроскопами, увеличивающими во много тысяч раз. Таблицы в красках и чертежи висели на стенах. И кругом стояли маленькие пузыречки, пробирки, в которых ползали сотнями крошечные мушки-дрозофилы. На дно пузыречков наливалась сладкая кашица, вареная с изюмом, и мушки-дрозофилы, еле приметные глазом, плодились в пузыречках поколение за поколением.

Мутация овса.

Наиболее резкие виды мутации мушки-дрозофилы.

Комнатная муха казалась бы гигантом среди дрозофил. Желтоватые, такого цвета, как пыль, дрозофилы живут на свободе в садах и полях Америки. В яркие, солнечные дни они пьют сок перезрелых сладких плодов. И фермеры зовут их плодовыми мушками.

Но мушки, жившие у Меллера, никогда не летали на свободе. Они рождались и умирали в пробирках. Двадцать лет прошло с тех пор, как ученые генетики взяли в плен первую мушку. Сотни поколений мух выросли в пробирках и отлично чувствовали себя в них.

День за днем Меллер производил смотр своему многотысячному мушиному населению. Все тысячи были одинаковы—серожелтенькие, похожие на пыль.

Но иногда в пробирках появлялись странные мухи: с белыми или пурпурными глазами, с плоским брюшком или, наоборот, вздутым как у клопа; неожиданно попадались мухи совсем голые, без волосков, и, наоборот, заросшие щетинистыми волосками. Мухи плодились быстро. Каждые две недели вылуплялось из яичек новое поколение. И почти в каждом поколении было по нескольку таких необычайных мух. Они родились как будто ни с того ни с сего. Ученые генетики, десятки лет разводившие и наблюдавшие мух-дрозофил, привыкли к таким неожиданным превращениям. Ученые тщательно описывали их и называли «мутациями». Ученые знали, что тут действует изменчивость.

Мутации появлялись не только у мушек в пузырьках: их наблюдали и у других животных и растений. И всем вам—не только ученым генетикам—приходилось, верно, не раз видеть такие мутации. Слыхали вы что-нибудь о комолом скоте? У коровы (бывает это, правда, очень редко) родится безрогий теленок. И от него идет безрогая (комолая) порода. Иногда появляются белые галки—и потомство от них белое. Среди колючего ячменного поля попадется иной раз совсем мягкий колос. Пышные, махровые, как бы пушистые от множества лепестков, садовые цветы пошли от первой «махровой мутации». Была целая порода кривоногих люшановских овец, выведенная от «кривоногой мутации».

Но у мушки-дрозофилы мутации появляются чаще всего. Вот почему нельзя себе представить лабораторию генетика без этой мушки.

Мутации появлялись—генетики их описывали. Так шло очень долго. И ни один человек в мире не знал, отчего бывают мутации. Яички, из которых они вылуплялись, были такими же, как сотни других. И мушка-мать, отложившая яичко с будущей мутацией, была такой же, как все. Никто не умел ни предвидеть мутацию, ни заставить ее по своей воле появиться.

Профессор Меллер знал все это: не даром он был генетиком. Но, рассматривая свои пузырьки с их крошечным крылатым населением, он никак не мог примириться с тем, что тут нельзя ничего поделать.

Он рассуждал просто и здраво: когда в пузырьке вылупляется из яйца муха, непохожая на тех, какие там раньше были,—это значит, что и яйцо было не совсем таким, как другие яйца; очевидно, что-то такое подействовало на яйцо и изменило его. Ведь что такое яйцо? Оно состоит из веществ очень сложных, которые называются белковыми веществами. Но нет такого вещества, которое никогда бы не менялось. Значит, и вещество яйца от чего-то изменяется, и вот тогда из него выходит мутация. От «чего-то»? Что же такое это «что-то», изменяющее вещество яйца? Может быть, оно действует даже не на яйцо, а еще на мушку-мать, когда она только собирается отложить это яйцо. И вот, стоит лишь найти это «что-то», найти такое средство, которое сможет действовать, влиять на мух так, что они будут класть измененные яйца,—и мы по своей воле заставим появляться мутации. Такое средство должно быть: ведь не чудом же появляются мутации?

Вот как рассуждал Меллер. Ему говорили:

— Что ж, попробуйте. Впрочем, не выйдет ничего, коллега,—и добавляли:—это все равно, что остановить солнце или заставить его встать на западе.

И, потирая руки, ученые, богословы в рясах и в профессорских пиджаках, шли громить на благочестивых воскресных собраниях безбожников. Они повторяли там то же, что когда-то говорил нам в провинциальной гимназии поп «Кастрюля»: «Мутации появляются, мутации сменяются: они чудо. Никто ничего не может изменить в этом».

Но Меллер был упрям—он не отступал. Ему стало ясно, что вызвать мутации можно только сильным воздействием на организм. Он взял пузырек с мухами и осветил его рентгеновскими лучами, теми самыми, какими в больницах просвечивают тело человека, когда хотят узнать, здоровы ли у него легкие, нет ли перелома кости. Рентгеновские лучи проходят сквозь тело так же легко, как лучи солнца проходят сквозь стекло, и на снимке, сделанном в рентгене, видны внутренности тела, как будто оно прозрачное.

Пузырек с мушиными самками, уже готовыми отложить яйца, просвечивался несколько минут. Следя за стрелкой секундомера, Меллер подал знак:

— Теперь подождем потомства.

Шли дни. Наблюдение за пробиркой велось днем и ночью. Однажды рой крошечных мушек закопошился в ней. Они были как точки. Но в сильные лупы их легко можно было рассмотреть.

Колос пшеницы и рядом его мутация.

Мухи с белыми и киноварными глазами, с черным телом, с загнутыми крыльями; у иных как будто вовсе не было крыльев!

— Да это заповедник какой-то! Мы никогда не видывали ничего подобного,—сказали сотрудники лаборатории.

— И никто не видывал, — ответил профессор Меллер. — Эти мутации, эти, если хотите, новые породы мух, получены нами здесь впервые в мире. Запишем: в результате воздействия рентгеновских лучей число мутаций увеличилось в сто пятьдесят раз, т. е. на пятнадцать тысяч процентов против обычного.

Восемь лет назад были сказаны эти слова. Наука идет вперед быстро, для науки это большой срок. Сотни ученых подхватили опыты Меллера.

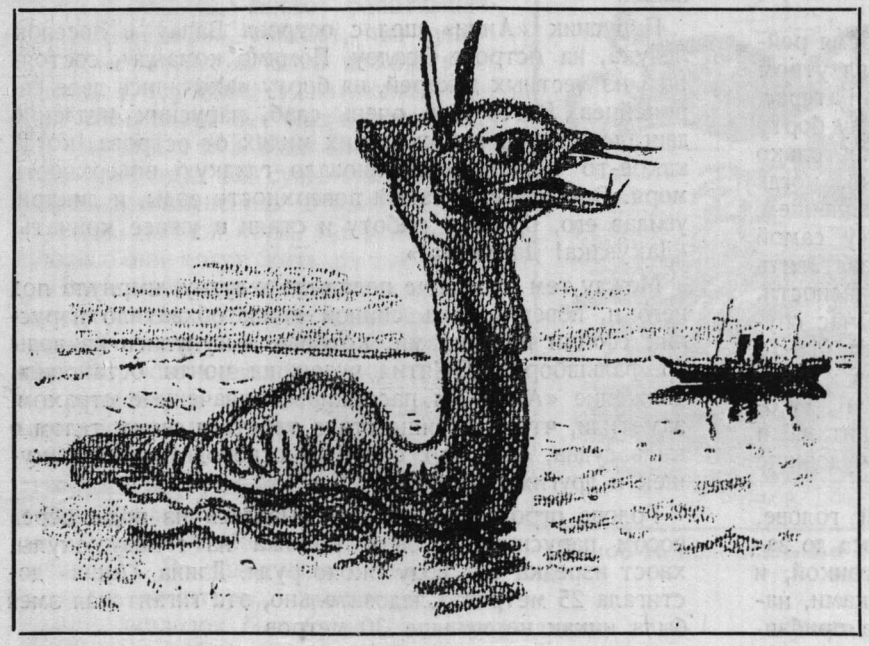
Уж не только рентгеновские лучи, но и радий, и высокую температуру, и разные химические вещества пробовали для получения мутаций. И оказалось, что вовсе не одна мушка-дрозофила, но и другие насекомые, мыши, растения подчиняются ученым. Список искусственно полученных мутаций сейчас очень длинный — несколько тысяч в общей сложности. Ставятся опыты искусственных мутаций у культурных растений, у хлебных злаков. И когда я читаю об этой огромной работе, которая идет у нас, в нашей стране, мне кажется, я слышу, как мой товарищ Сашка, профессор Александр Данилович Бессонов, говорит студентам на лекциях:

— Вы понимаете, что это значит, если увеличить в сто пятьдесят раз мутационную способность пшеницы? Помните, я говорил вам, что растениевод, животновод обязаны ждать. Ждать, пока появится растение или животное с подходящими признаками. Так вот теперь живые существа с новыми признаками появляются у Меллера в сто пятьдесят раз чаще. Значит, и нужные нам признаки появляются намного чаще. А это значит, что если мы с пшеницей сделаем то же, что Меллер с дрозофилой, насколько же скорее удастся выводить нам новые сорта, сорта, которые не станут бояться засух, которые будут расти и на солончаках и на северной мерзлоте?! И это уже не совсем фантазия, товарищи. Может быть, даже мы не станем ждать, пока появится растение с нужными признаками, а прямо будем выводить растение с такими признаками, как мы хотим. Впрочем, за один раз всего не расскажешь. Наука об управлении живым организмом сейчас растет не по дням, а по часам. Надо бы рассказать еще, как академик Лысенко посеял озимую пшеницу весной и летом собрал урожай. Как комсомолец Цицин скрестил пшеницу с пыреем и получил растение, дающее зерна пшеницы и многолетнее как пырей. Как... Да ведь замечательные дела, творящиеся вокруг нас, обгоняют лектора, и ему все равно не поспеть пересказать все.

Но что же делает сейчас знаменитый американец, профессор Меллер? Профессор Меллер работает сейчас у нас, в Институте растениеводства, в Ленинграде. Прославленный ученый приехал к нам надолго. На одной из своих лекций он рассказал, что кризис сильно затормозил научную работу в его стране. Капитализм делает бесплодными самые замечательные научные открытия. Есть только одна страна, где нет границ для научного творчества, где ученый видит, что его лабораторные открытия немедленно применяются на практике. И Меллер приехал работать в эту единственную в мире страну...

МОРСКИЕ ЗМЕИ

Г. Гильгендорф *Рис. В. Цельмера*



Змея замедлила движение и подняла свою драконообразную голову.

Пароход «Немесис» шел из Мельбурна в Западную Австралию под командой капитана Лауренса Томсона. Около мыса «Натуралист» третий помощник капитана М. Перри, стоявший на вахте, вызвал на мостик капитана и указал ему на какое-то животное, плывшее метрах в 300 от судна. Оно было похоже на двух китов, плывших один за другим, но его движения отличались несвойственной китам живостью.

Томсон и Перри несколько минут наблюдали странное существо и одновременно подумали, что они видят перед собой не что иное, как морскую змею. Змея замедлила движение и подняла свою драконообразную голову на два—три метра из воды. Она слегка покачивала и поворачивала голову, и было видно, что ее тело состоит из бесчисленного количества позвонков. Затем она снова быстро поплыла, пересекая курс парохода.

Капитан Томсон изменил курс парохода и, когда пароход стал боком к чудовищу, приказал навести на него пушку. Выстрел был сделан, когда чудовище находилось в 30 метрах от судна. Снаряд упал рядом. Змея вспенила воду и подняла своим телом большое волнение. Затем она нырнула, но через несколько секунд показалась на поверхности в 200—300 метрах от парохода и стала удаляться со скоростью 15—16 узлов, превышающей скорость парохода. Капитан Томсон принужден был бросить преследование.

По приходе в порт вся команда, от капитана до юнги, рассказывала о морской змее. Когда через полгода «Немесис» снова бросил якорь в том же порту, на палубу поднялся пожилой человек и спросил капитана Томсона.

Юнга провел гостя в каюту.

— Вы капитан Томсон? Я слышал, что вы прошлым летом видели морскую змею против мыса «Натуралист», в открытом море. Дорогой капитан, я доктор и ученый, интересуюсь морскими животными. Не могли бы вы подробно рассказать мне, что вы видели собственными глазами?

Голова чудовища была похожа на голову лошади.

Капитан согласился и подробно рассказал все, что видел.

Доктор Луг ходил по портам, засиживался часами в кабачках, расспрашивал моряков о змеях. Приблизительно через год после рассказа капитана Томсона доктор Луг встретил второго помощника капитана парохода «Треска»—Жозефа Грей.

— Видели ли вы когда-нибудь морских змей? — спросил доктор.

— Не дольше как месяц тому назад. Во время рейса из Норфолька в Сант-Яго, на Кубе, я стоял утром на вахте. Мы шли в 120 милях южнее мыса Гатерас. Около 10 часов утра я увидел в море по левому борту сильное волнение. Взволновать так море могли только большие животные вроде морских коров, но, когда судно приблизилось к полосе, захваченной волнением, я увидел, что это просто стая акул плыла у самой поверхности воды. Я задумался, что могло заставить их плыть так, как будто они скрывались от опасности, но не мог придумать никакого об'яснения. А час спустя на расстоянии двух—трех миль я увидел что-то похожее на остов покинутого судна. Направив к нему пароход, я убедился, что это было гигантское драконообразное существо. Я вызвал на верх капитана и остальных офицеров, и мы все видели, как чудовище высунуло из воды голову на гибкой шее.

Что-то невыразимо мерзкое было в этой голове, имевшей около двух метров длины от конца носа до затылка. Шея чудовища была сравнительно тонкой, и под его нижней челюстью кожа свисала складками, напоминая зоб. Мы определили длину чудовища приблизительно в 30 метров, а окружность его тела была не менее 6 метров.

Рассказ Жозефа Грея тут же подтвердили подошедшие капитан и ревизор парохода «Треска».

О большой змее доктору Лугу сообщил также путешественник Эрнст Дэвис, бо́льшую часть жизни проведший на островах Помотского архипелага.

«Однажды, в жаркий вечер,— писал Дэвис Лугу,— я курил, сидя в кресле на палубе шхуны «Нойдора». Шхуна стояла на якоре вблизи острова Нихру. Три матроса сидели на баке. Незадолго до наступления темноты, когда еще были видны отдаленные предметы, я услышал журчание воды, рассекаемой каким-то плывущим телом.

Я поднялся с кресла и увидел колоссальное черное существо, плывшее с моря в нашу сторону. Это было какое-то гигантское животное, спина которого торчала из воды. Оно подплыло вплотную к шхуне и стало тереться телом о борт. Затем каким-то непонятным для меня способом оно поднялось из воды до уровня нашей палубы.

Голова чудовища была похожа на голову лошади. Его глаза были зеленого цвета с необычайно злобным выражением. Несколько секунд, показавшихся нам часами, оно осматривало палубу шхуны, а затем с плеском опустилось в воду и поплыло в море, скрывшись в сумерках».

Случай, описанный Дэвисом, подтвердил и Джон Хэдстром, комиссар островов Фиджи, бывший в Лондоне на британской имперской выставке в 1924 году.

Острова Фиджи и Помотский архипелаг находятся в Тихом океане на одних и тех же широтах. О морских змеях говорит и культ обитателей островов Фиджи. Туземцы, путешествующие между островами на небольших лодках, регулярно бросают в море пищу—дань колоссальной змее «дакувака».

Единственный известный случай появления змеи «дакувака» перед европейцами произошел несколько лет назад.

Парусник «Анни» шел с острова Ванау в поселок Левука, на острове Овалоу. Помимо команды, состоящей из местных дикарей, на борту находились двое европейцев. Ветер был очень слаб, парусник медленно двигался вперед в нескольких милях от острова, когда какое-то чудовище взволновало гладкую поверхность моря. Оно плыло у самой поверхности воды, и дикари, увидав его, бросили работу и стали в ужасе кричать: «Дакувака! Дакувака!»

Между тем чудовище подплыло к судну, нырнуло под него и, повернувшись спиной вниз, обхватило парусник своими плавниками, которые высунулись из воды до фальшборта. Об'ятия чудовища почти остановили движение «Анни», и пассажиры, охваченные страхом, заметили, что чудовище стало тереться своим телом о киль судна, очевидно, стремясь освободиться от ракушек и других паразитов.

Голова огромной змеи высовывалась из воды перед носом парусника и была похожа на голову акулы, хвост изредка бил воду около руля. Длина «Анни» достигала 25 метров. Следовательно, эта гигантская змея была никак не меньше 30 метров.

Через несколько минут чудовище отпустило судно, скрылось в воде, а затем высунуло голову в нескольких метрах за кормой и с минуту смотрело на парусник. После того как чудовище скрылось из виду, капитан-туземец бросил в море немного пищи, бормоча про себя что-то похожее на слова молитвы.

О морском чудовище сообщил также в официальном рапорте вицеадмирал английского флота Роберт Анструцер. Адмирал написал английскому адмиралтейству, что во время учебного плавания крейсера «Цезарь» у берегов Ирландии в 1902 году он видел странное существо:

«Рано утром я стоял на мостике, заканчивая вахту, — писал адмирал. — Вдруг какое-то колоссальное животное вылетело из воды и сделало прыжок высотою около 15 метров. Тотчас же я направил на него бинокль и различил гигантское четвероногое, напоминавшее хамелеона. Оно летело в воздухе с вытянутой шеей и распластанными лапами. Совершив свой гигантский прыжок, животное упало, или, вернее, нырнуло, в воду. Я был страшно поражен виденным, но быстро пришел в себя и позвал штурмана, ожидая, что чудовище снова покажется из воды. Как только штурман подошел ко мне, чудовище вынырнуло второй раз, и мы уже вдвоем смогли проверить мои первые наблюдения.

На чудовище не было чешуи, оно было покрыто гладкой буро-зеленой блестящей кожей, подобной коже многих рептилий. Ноги его были похожи на ноги, какие рисуют китайцы у драконов. Мы долго ждали третьего прыжка, но чудовище не показывалось».

Капитан Томсон, Жозеф Грей, путешественник Эрнст Дэвис, адмирал Анструцер собственными глазами видели гигантских морских змей, и, казалось бы, не может быть сомнений в том, что в морях и океанах действительно существуют какие-то еще неведомые животные. Но «собственные глаза» часто обманывают человека. Иногда в знойный полдень в степи или в поле глядишь вдаль и ясно «собственными глазами» видишь, как плещется море, настоящее море, а на самом-то деле это не море, а просто мираж.

Наука не всегда доверяет глазу и рассказам очевидцев. Ученые несмотря на многочисленные рассказы очевидцев отвергают существование морских змей.

Правда, один английский ученый — Митчель-Хиджес, много работавший по океанографии, считает, что существование морских змей вполне возможно в глубинах тропических морей. «Миллионы лет назад,— говорит он,—на земле и в воде жили гигантские животные. На суше они исчезли благодаря изменениям в климате и в строении земной коры. Но в морских пучинах они могут жить до сих пор».

Науке известны простейшие животные—кораллы, губки; история их жизни насчитывает не менее 25 000 000 лет! Морские анемоны и медузы также существуют с доисторических времен в почти неизменном виде.

Миллионы лет назад чудовища странных форм и колоссальных размеров бродили по земле; их кости, а порой и целые скелеты находят при раскопках. По ним ученые определили размеры некоторых животных. Например диплодок был более 20 метров длины, а динозавр — от 35 до 45 метров. В глубинах морей странствовали свирепые ящеры — наполовину крокодилы, наполовину рыбы с глазами диаметром в 35 сантиметров и челюстями, снабженными несколькими сотнями зубов; гигантские раки длиною до 3 метров; бронированные рыбы; колоссальные акулы и скаты. И в наши дни в тропических морях можно встретить ската до 2 тонн весом, акулу более 10 метров длины, свирепую меч-рыбу. Это живые свидетели того, что подводный мир богат гигантскими существами.

Летом 1934 года ученый, изучающий жизнь рыб, доктор Вильям Бииб вместе со своим помощником Бартоном впервые в мире проник на большие глубины. Доктор Бииб спустился под воду в специальном стальном шаре — батисфере, похожем на гондолу нашего стратостата «СССР-1 бис». Во время одной из своих подводных экскурсий около Бермудских островов доктор Бииб встретил подводное чудовище. 13 августа на глубине 2500 футов (около 715 метров) мимо круглого окна батисферы проколыхалась гигантская тень. Доктор Бииб в своем дневнике записал, что длина этого создания была не менее 6—7 метров. Форма морского чудовища была овальной, плыло оно без видимого усилия и довольно быстро. Эта запись в дневнике, произведенная только год назад, подтверждает, что в глубинах можно еще встретить интересных существ.

Океанография как наука еще очень молода: ей не больше 53 лет. И за эти годы ученые успели изучить только материковые отмели, где глубины не превышают 400—500 метров. Средняя же глубина океанов— 4000 метров, т. е. в 10 раз больше, а в отдельных местах, как например у Филиппинских островов, глубина достигает даже 10 километров.

По образцу батисферы доктора Бииба эпроновцы сейчас строят советский глубоководный снаряд. Скоро наши смелые ученые также спустятся на большие глубины, чтобы вырвать из мрака нижних слоев морей тайны подводной жизни.

— Существуют ли морские змеи? — спросили мы советского ученого, директора Океанографического института. И вот что он нам ответил:

— О морских змеях рассказывают многие старые моряки, но ученым, специально плававшим и искавшим

Какое-то колоссальное животное выпрыгнуло из воды и сделало прыжок высотою около 15 метров.

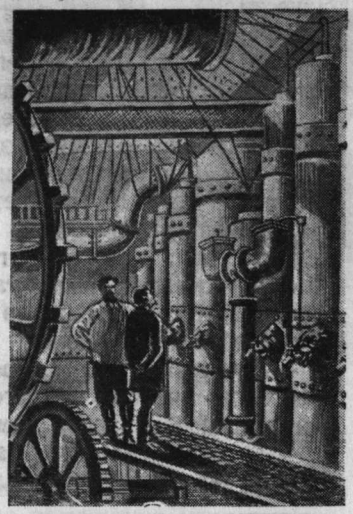
случаев встреч со змеями в море, никогда не приходилось их видеть. В музеях есть кости первобытных животных — динозавров и т. п., но ни в одном музее мира нет ни одной косточки или чешуйки этих морских змей. Об'яснение виденного моряками надо искать в обычае морских животных — китов и других им подобных — плавать гуськом. Показывая то одну, то другую часть своих тел, они создают впечатление огромной морской змеи.

Особенности морского освещения на восходе и закате — так называемая рефракция — преломление лучей — могут сделать картину совсем фантастической, и человеку вполне может показаться, что он видит гигантскую змею.

Вопросы и ответы

„...есть ли теперь такие машины, как машина „Наутилус“ в романе Жюль Верна „80 000 километров под водой“?

Из письма Вани Шелунова (Зап.-Сиб. край, с. Поспелиха).



Ты спрашиваешь, «правдивы ли романы Ж. Верна» и «имеются ли в настоящее время такие машины, как в романе Ж. Верна «80 000 километров под водой» — машина «Наутилус».

А какая там машина? Про нее почти всего только и известно, что источником ее энергии являются какие-то соли, которыми «Наутилус» запасается на каком-то острове. А как потом электричество вырабатывается, неизвестно. А про конструкцию машины ничего не написано. Так что ни обсуждать, ни сравнивать нечего.

Если бы Ж. Верн точно знал, как устроить такую машину, он не таил бы ее, а подал бы проект в патентное бюро и давно бы «Наутилусы» плавали по всем морям.

И выходит, что машина в романе не описана никак. Но почему же так верится, когда читаешь?

Скажу про себя. Меня в детстве больше всего убедили не эти таинственные намеки на добывание из солей электричества чуть не на целый год подводного хода; нет, не это: убедила больше всего картинка в книжке, иллюстрация художника. Ведь в ней нет механического решения этого таинственного двигателя, но на картине так здорово нарисованы машинные части и так они грозно и мощно выглядят, что нельзя не поверить в их невообразимую силу. Самое, что есть в машине внушительное, — все это так поставлено, что уж тут хоть и непонятно, но убедительно: такая машина горы своротит. Я, грешным делом, думаю: если отнять от книг Ж. Верна эти чудесные иллюстрации, половина, если не три четверти, этого головокружительного волшебства исчезла бы.

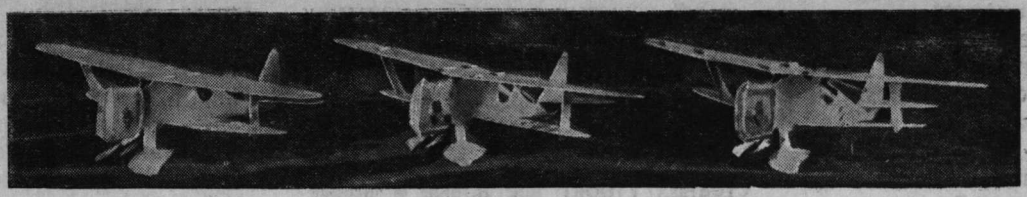
Но в романах Ж. Верна не это важно — не конструктивная точность. В этих романах главное то, что Ж. Верн указал, как здорово будет, когда люди осуществят то, что обещает техника. Как замечательно, что люди ради науки готовы рисковать, что наука и находчивая голова ученого, инженера в самых критических условиях спасают людей, брошенных среди дикой природы. Радостно делается, когда читаешь, как дружной работой добиваются люди культуры, тепла и, наконец, желанной цели, всегда благородной и героической. И от этого хочется научиться всяким наукам, все уметь; хочется найти место, где приложить свое желание отдать этой великой науке даже и жизнь среди верных и героических товарищей. Хотя бы лететь на луну без всякой гарантии, что вернешься!

В этом цель и слава жюльверновских романов. Поэтому, Ваня, не так уж важно, правдивы ли они или нет по чисто технической части.

„Можно ли построить дом в 1000 этажей, и есть ли где-нибудь такой?“

Из письма Нины Бубликовой (г. Куйбышев).

Нет такого дома, вряд ли он нужен. А если б понадобился, то вот в чем трудность такой постройки. Если ты станешь вести стенку вверх, то на нижний слой кирпича (или бетона) все сильней и сильней будет давить вес тех слоев, что ты нагораживаешь сверху. Наконец, дойдет до такого давления, что этот нижний слой не выдержит и лопнет, он рассыплется в песок—и конец твоей стене. Для постройки очень важно знать, какой нажим выдерживает материал, не рассыпаясь. И вот пробуют давить прессом бетонные кубики, кирпичи и узнают, какое давление безопасно выдержит материал, а при каком треснет. Пресс этот такой силы, что может раздавить бетон как кусок сахару. И вот легкость и вместе с ней крепость при сжатии, вот эти качества материала и определяют высоту стены, а значит, и дома. Люди на все лады стараются составить такой материал, очень легкий и стойкий.



Бумажный биплан

П. Анохин

В прошлом номере, в статье о самодельных бумажных самолетах, мы говорили о том, что с увеличением скорости самолета увеличивается его под'емная сила. Чтобы настоящий самолет летал скорее, надо поставить на него более мощный мотор и таким образом увеличить собственный вес самолета. Но оказывается, что увеличить под'емную силу можно и не увеличивая скорости: надо только увеличить площадь крыла.

Сейчас поступают и так и этак. Есть самолеты с маленьким крылом и с очень сильным мотором, например военные истребители; они расходуют много бензина, их мощные моторы дорого стоят и быстро изнашиваются, но на войне с расходами не очень считаются. Другое дело — почтовые самолеты. Там пусть уж лучше самолет не так быстро летит, только бы полет стоил подешевле и побольше груза забирал бы самолет. Для таких самолетов были бы хороши длинные и широкие крылья.

Но построить самолет с длинным крылом не так просто: чем длиннее крыло, тем легче оно гнется и тем труднее его укрепить.

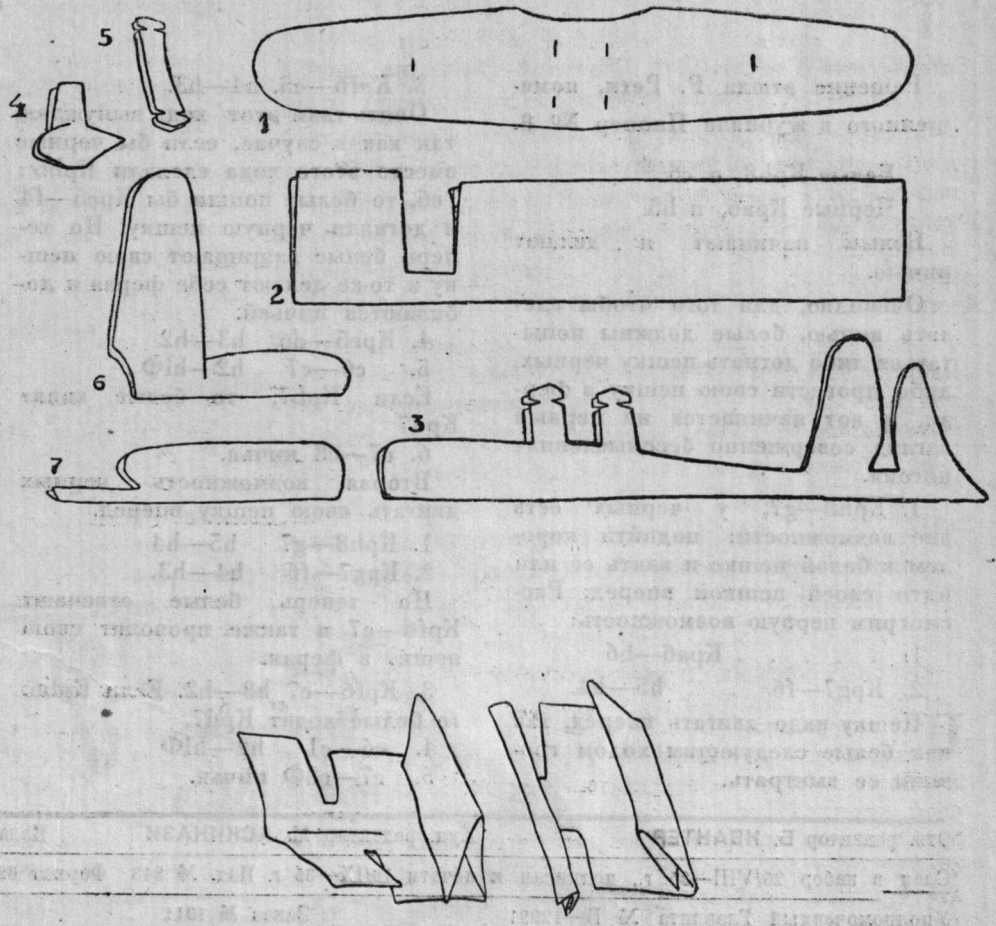
Братья Райт, которые в 1903 г. построили первый летающий самолет, оказались в большом затруднении. Мотор у них был слабенький, самодельный. Самолет их мог получить лишь малую скорость. Значит, нужно было устроить длинное крыло, а длинное крыло получалось или очень тяжелым или очень непрочным. Ведь в то время не было ни дюралюминия, ни специальной стали—приходилось мастерить машину из бамбука, проволоки и материи.

И все-таки братья Райт нашли выход. Вместо одного длинного крыла они сделали два коротких крыла — одно над другим. Получилось и легко и прочно, и несущая поверхность крыльев осталась такая, какая им была нужна.

У короткокрылого самолета имеется один большой недостаток по сравнению с длиннокрылым: он неустойчив, валится на бок. Это все равно как узкий плот. Широкий плот стоит на воде хорошо, а узкий, чуть наклонишь, сразу переворачивается.

Братья Райт справились и с этим. Задние концы крыльев своего самолета они устроили так, что по желанию летчика их можно было опускать вниз или поднимать кверху. Эти подвижные концы крыльев называются элеронами. Что же дают самолету элероны?

А вот что: валится самолет на правый бок — летчик опускает правый элерон вниз, и встречный воздух подпирает все крыло кверху. Самолет выправляет крен — летит прямо. Летчик может сделать и по-другому: поднимет левый элерон кверху, и тогда воздух опустит левое крыло. На своем самолете братья Райт сделали так, что сразу



Выкройки биплана.

на одном крыле элерон опускается, а на другом поднимается.

С этого изобретения и началась настоящая авиация. Братья Райт первые сделали самолет, которым действительно можно было в воздухе управлять.

Двукрылый самолет называется самолетом-бипланом. Биплан в переводе и значит двуплоскостный, двукрылый.

И до сих пор, хотя уже научились строить длинные прочные крылья, все-таки очень часто строят самолеты-бипланы. Там, где нужна большая поворотливость или, как говорят, маневренность, где нужно быстро делать мертвые петли, виражи, перевороты через крыло, там короткокрылые бипланы идут пока что впереди. Так же точно для дешевых перевозок почты и пассажиров оказываются выгодными самолеты-бипланы.

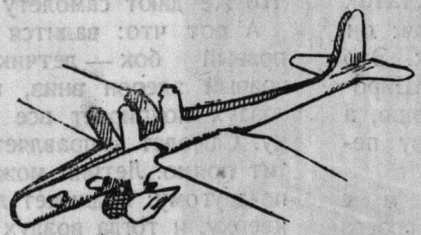
Впрочем, теперь есть и истребители-монопланы и пассажирские бипланы, и каждый год во всех странах строят все новые и новые типы самолетов.

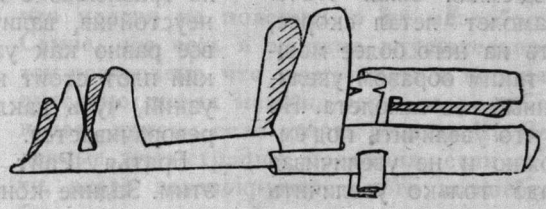
Из бумаги можно построить летающую модель биплана. Она строится так же, как и модель планера; и так же, как при постройке модели планера, главное условие — центровка и акуратность выполнения. Если модель при полете будет валиться на бок, недостаток нетрудно исправить. На нашей модели нет элеронов, но можно просто подогнуть книзу задний конец того крыла, на которое валится самолет. Если покруче загнуть конец одного крыла кверху, а другого — вниз, самолет сделает переворот через крыло. Модель делается как показано на рисунках.

Такая модель хорошо летает. Можно сделать и другие модели. Сделать побольше крылья, по-другому расположить стойки, изменить форму фюзеляжа, моторного капота и шасси. Из бумаги можно сделать целую эскадрилью самолетов, и, если они правильно уравновешены, они будут летать.

Сделав такую эскадрилью, можно устраивать воздушные бои.

Пишите, как вам удаются эти самолетики.





Шахматный отдел

Решение этюда Р. Рети, помещенного в журнале Пионер № 8.

Белые Крh8, п с6
Черные Крa6, п h5.

Белые начинают и делают ничью.

Очевидно, для того чтобы сделать ничью, белые должны попытаться либо догнать пешку черных, либо провести свою пешку в ферзи, и вот начинается на первый взгляд совершенно бессмысленная погоня.

1. Крh8—g7, у черных есть две возможности: подойти королем к белой пешке и взять ее или идти своей пешкой вперед. Рассмотрим первую возможность:

1. . . . . Крa6—b6
2. Крg7—f6 h5—h4.

Пешку надо двигать вперед, так как белые следующим ходом грозили ее выиграть.

3. Крf6—e5. h4—h3.

Опять-таки этот ход вынужден, так как в случае, если бы черные вместо этого хода сделали Крb6 : : c6, то белые пошли бы Кре5—f4 и догнали черную пешку. Но теперь белые защищают свою пешку и тоже делают себе ферзя и добиваются ничьей.

4. Кре5—d6 h3—h2
5. c6—c7 h2—h1Ф

Если Крb7, то белые ходят Крd7

6. c7—c8 ничья.

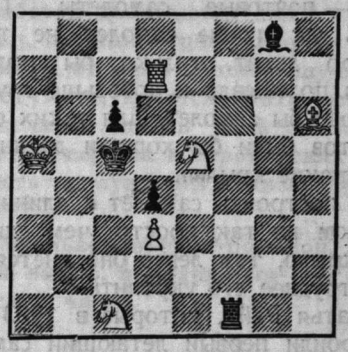
Вторая возможность черных двигать свою пешку вперед.

1. Крh8—g7 h5—h4
2. Крg7—f6 h4—h3.

Но теперь белые отвечают Крf6—e7 и также проводят свою пешку в ферзи.

3. Крf6—e7 h3—h2. Если Крb6, то белые ходят Крd7.
4. c6—c1 h2—h1Ф
5. c7—c8Ф ничья.

ЗАДАЧА ВАЛЕРИЯ НЕДОСПАСОВА



Мат в два хода.

Эту задачу составил Валерий Недоспасов, пионер 12 лет (Урал, г. Миасс). Задача еще слишком проста по построению, но для начинающего составителя задач — это неплохое произведение. Валерию нужно читать побольше книг по технике составления шахматных задач.

Отв. редактор Б. ИВАНТЕР Худ. редактор М. АСКИНАЗИ Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) «Правда»

Сдан в набор 25/VIII—35 г., подписан к печати 16/IX—35 г. Изд. № 848 Формат 62 × 94 см. 3 б. л. 55 000 зн. в печ. л.

Уполномоченный Главлита № Б—12991 Заказ № 1911 Тираж 60 000

Типография газеты «Правда» им. Сталина, Москва, ул. «Правды», 8.

Интересно подбить бумажный самолет противника своим бумажным истребителем или разрушить вражеский лагерь танкетками. Сколько выдумки и находчивости можно проявить в такой игре! Но для военной игры необходимы и военные игрушки. Конечно, многие ребята сами мастерят самолеты, лодки, танки. Но часто их не из чего сделать, и не все можно сделать самому. Поэтому Осоавиахим выпускает разные военизированные игрушки, одни совсем уже готовые, другие надо еще собрать.

Вот какие игрушки можно купить во всех магазинах краевых и областных снабов Осоавиахима:

1. Авиомодельный материал в посылках.

2. Конструктор бумажных летающих авиамоделей.

3. Планеры с катапультой.

4. Мухи летающие (геликоптер).

5. Бабочки летающие.

6. Парашюты детские бумажные.

7. Детские детекторные радиоприемники.

8. Танкетки заводные — металлические.

9. Пулеметы Максима — металлические.

10. Лодки с резиномотором.

11. Воздушные коробчатые змеи.

12. Аппарат Морзе

и ряд других военизированных игрушек.

С таким оборудованием можно целый военный поход организовать.

Прием оптовых заказов также производится Союзснабосоавиахимом (Сектор сбыта) — Москва, Б. Дмитровка, 2, тел. 5-55-87.

Пионерскому отряду нужен горн, барабан, знамя. Пионерам нужны галстучные зажимы.

Выписать все пионерские атрибуты для отряда и для пионеров можно через Центральную базу «Пионер».

Вот что имеется на базе:

Барабан с палочками — размер в диаметре 26 см	**26 р. 30 к.**
Барабан с палочками — размер в диаметре 31 см и 35 см.	**35 р. —**
Горн никелированный	**18 р. 75 к.**
Знамя сатиновое, вышитое шелком, обшитое бахромой:	
Октябрятское	**35 р. 70 к.**
Пионерское	**40 р. —**
КИМ	**52 р. —**
Флажок сатиновый, вышитый шелком:	
Для горна	**3 р. 05 к.**
» звена	**2 р. 80 к.**
» октябрятской звездочки	**3 р. 20 к.**
Галстук ситцевый	**65 к.**
Зажим-значок для галстука	**40 к.**
Наконечник для знамени медный (внутри серп и молот)	**10 р. —**
Значок для октябрят (новый)	**— 75 к.**
Переводные знаки «Всегда готов» для украшения плакатов, дневников, стенгазет, уголков и т. д., размеры разные	**от 2 коп. до 6 коп.**
Костюм пионерский сатиновый, синего цвета всех размеров нового образца на возраст от 8 до 16 лет	**11 р. 15 к.**

Цены ориентировочные.

Заказы выполняются при получении полной стоимости вперед на сумму не менее 50 руб.

Заказ на сумму менее 50 руб. не выполняется, и деньги возвращаются обратно.

Свой заказ в обязательном порядке пишите на обороте перевода во избежание лишней переписки.

Необходимо указать свой точный адрес, т. е. почтовое отделение, край или область, район и полное наименование получателя.

Товары, не указанные в прейскуранте, не заказывайте.

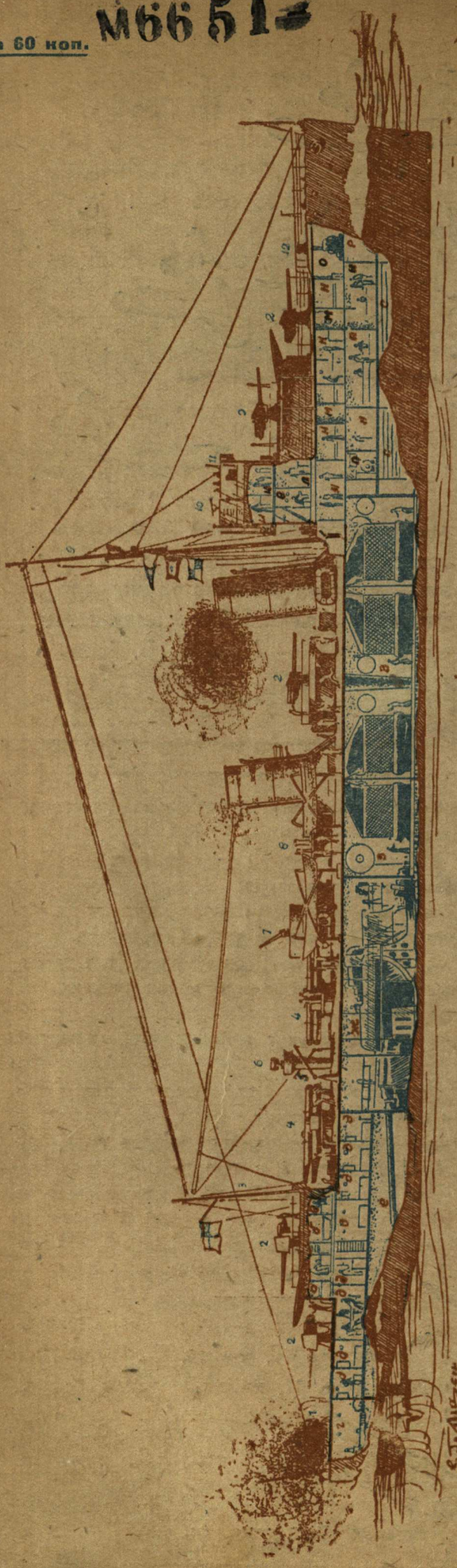
За упаковку и пересылку взимается плата на месте, т. е. при получении посылки.

Задатки высылайте почтовым переводом по адресу: Москва, Неглинный пр., 8, а при перечислениях, направляйте по адресу: гор. Москва, Дзержинское отделение Госбанка, текущий счет № 868, Центральной базе «Пионер». Продажа пионерского снаряжения производится Центральной базой «Пионер» в городах:

Москва, Неглинный проезд, дом 8, магазин «Пионер»,
Минск, Комсомольская ул., дом 15, „ „
Киев, ул. Воровского, 37, пассаж, „ „
Ростов-на-Дон, ул. Энгельса, 41 „ „
Харьков, ул. Свердлова, 16, „ „
Казань, ул. Баумана, 56, „ „
Смоленск, Советская, 33, „ „
Воронеж, проспект Революции, 46, „ „

Цена 60 коп. М6651

МИНОНОСЕЦ



Приблизительно 50 лет назад изобрели самодвижущуюся мину, или торпеду. Одна торпеда могла потопить целый броненосец. Но, для того чтобы атаковать броненосец торпедой, надо подойти к нему на близкое расстояние. И вот появились новые корабли — миноносцы. Сначала под миноносцы приспособливали маленькие быстроходные пароходы, но очень скоро начали строить специальные суда для этой цели. Современные миноносцы—очень сложные и дорогие корабли. Ведь нужно, чтобы миноносец смог догнать любой корабль, смог уйти от любого корабля и защититься от мелких судов противника.

На чертеже показан разрез английского миноносца «Брок», построенного в 1924 году.

«Брок» — очень быстроходное судно: он развивает ход в 36 узлов (65 километров в час). Чтобы он мог развить такую скорость, на нем стоят паровые турбины в 40 тысяч лошадиных сил *(ж)*. Пар для этой машины вырабатывают нефтяные котлы, которые занимают почти четвертую часть всего миноносца *(з)*.

Главное оружие миноносца — торпедные аппараты (4). Они стоят посредине палубы и могут выбрасывать торпеды вперед, назад, вправо и влево. Если торпеда не попадет в цель, она всплывает, и тогда миноносец берет ее обратно на борт. Для этого на палубе поставлены специальные под'емные краны — «минбалки» (5). Кроме торпедных аппаратов на миноносце есть и пушки. На «Броке» установлено пять пушек, стреляющих снарядами в 4,7 дюйма диаметром (2). Снаряды этих пушек ничего не могут сделать броненосцу, но с другим миноносцем, с подводной лодкой, с транспортами, с тральщиками и с другими судами «Брок» может вступать в артиллерийский бой и своими снарядами легко может потопить любое небронированное судно. Для обстрела самолетов на палубе установлена зенитная пушка (7), стреляющая трехдюймовыми снарядами. Для управления стрельбой и торпедными атаками наверху миноносца устроена боевая рубка (11), защищенная легкой броней. На мостике стоит дальномер[1] для определения расстояния до неприятельского корабля (10). Чтобы ночью легче было отыскивать противника, на специальной башенке установлен прожектор (6). На корме стоит аппарат для устройства дымзавесы (1), на мачтах (3 и 9) натянута антенна судовой радиостанции. На всякий случай на палубе стоят спасательные шлюпки (8).

Вот сколько разных аппаратов установлено на палубе миноносца, но это еще не все!

Ведь нужно не только стрелять — нужно управлять и самим судном. Для этого устроены рулевая рубка *(К)* и штурманская рубка *(И)*, в которой находятся карты. Главный компас запрятан в самую середину судна, чтобы при обстреле его не повредили неприятельские снаряды *(П)*.

Чтобы обслуживать все эти аппараты, на «Броке» плавает команда в 183 человека. Команда помещается в общих каютах, в носовой части корабля *(Н)*, а офицеры — в кормовой части, в отдельных каютах *(Д)*. Там же устроена общая офицерская столовая — кают-компания, над ней помещаются судовая кухня — камбуз *(А)*, ванна для офицеров *(Б)* и кормовая радиорубка *(В)*. Вторая радиорубка находится рядом с командирской каютой, а командирская каюта расположена так, чтобы командир был поближе к боевой рубке и из своей каюты видел все, что делается на палубе *(Л)*.

Внизу, в носовой части, помещаются крюйткамеры — склады снарядов и взрывчатых веществ *(С)*, из которых на палубу ведут колодцы для подачи снарядов *(М)*.

Под самой кормой устроена рулевая машина *(Г)*, а в носовой части — машина для поднятия якоря *(О)*, еще ниже, в носу, помещаются кладовые.

Такой миноносец, как «Брок», может надолго уходить в море и плавать вместе с эскадрой линейных кораблей. Поэтому он и называется «эскадренный миноносец», или сокращенно—«эсминец».

---

[1] О дальномере прочти очерк в № 3 журнала «Пионер».

Ц. 1935 г.
Акт № 158